

НАТАЛЬЯ ЩЕРБА

БЫТЬ ВЕДЬМОЙ

Москва, 2013

НАТАЛЬЯ ЩЕРБА

- Быть ведьмой •
- Ведьмин крест •
- Свободная ведьма •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ61

Серия основана в 2005 году
Выпуск 116

Художник
О. Бабкин

Щерба Н.

Щ61 Быть ведьмой: Быть ведьмой; Ведьмин крест; Свободная ведьма/Послесл. И. Черногo.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 763 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1658-5

Непросто быть ведьмой в карпатских краях. А если при этом у тебя доброе сердце и обостренное чувство справедливости — то все, пиши пропало! Но судьбу не выбирают, и обыкновенной современной девушке Татьяне придется попытаться счастья в древнем колдовском деле, найти свою настоящую любовь, разгадать самую страшную тайну в мире и при этом остаться в живых!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1658-5

© Наталья Щерба, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Быть ведьмой значит быть действительно свободной
Tonia Brown. Church Of Wicca,
перевод А. Поповой

• Быть ведьмой •

Часть первая

БРАСЛЕТ

Горел костер.

Плясало пламя на еловых ветках, валил густой и едкий дым. Вились к небу его серо-черные змеи, вспыхивали алые росчерки искр.

Женщина скинула платье. Зябко повела плечами. Гордо вскинув голову, бесстрашно ступила в самую сердцевину костра, — казалось, привычное дело для нее, рядовой ритуал.

В тот же миг она резко подалась назад, луком изогнувшись от боли; застыли ее обращенные к небу глаза, превратившись в два лунных отражения. Дикий стонущий крик разнесся над лесом, пролетел эхом над землей. И, вторя ему, зашумели деревья, словно хотели навеки спрятать меж ветвей жуткий отголосок людского отчаяния.

Тело женщины продолжало изгибаться, пока лицо не уткнулось в пятки, творя неестественный круг. И вот оно выкатилось из костра, захватив на обод лепестки пламени, и закрутилось ярким обручем по поляне.

Казалось, дикая пляска живого кольца будет продолжаться вечно, но то вдруг замедлило страшный бег, остановилось и упало на бок. Угольные пятна на человеческой коже неожиданно подернулись серебром, зазмеились по телу тонкими мерцающими ручейками, побежали по кругу, творя идеальное переплетение... И глянули во тьму изумрудные кристаллы окаменевших глаз.

Глава 1

КОНВЕРТ

С некоторых пор Татьяна вела свободную жизнь.

Три года назад ее родители поддались уговорам друзей и переехали за рубеж — в Австралию. Они исполнили заветную мечту юности — жить на берегу океана, и в ближайшее время возвращаться не собирались.

Сначала Таню опекала старшая мамина сестра — тетка Анжела:

она заходила почти каждый день, приносила пирожки, годные лишь для забивания гвоздей, и бутылку дешевого вина, которую сама же выпивала. Выкуривая обязательную пачку зловонных сигарет, тетка жаловалась на жизнь — мужа, трех дочерей, соседей и злобного бульдога Адольфа, покусавшего на своем веку добрую сотню людей. Она сморкалась в большой носовой платок, вслух завидовала заграничной жизни Таниных родителей, громко стонала о бесцельно прожитой молодости и быстро приближающейся одинокой старости. Насчет последнего Татьяна даже не сомневалась. Она и сама подумывала смыться к родителям в Австралию, лишь бы никогда больше не видеть несносную родственницу.

Но разве можно оставить любимые горы? Отказаться от красоты карпатских лесов, речек и водопадов, от крутых каменных склонов, петляющих вверх и вниз тропинок, острой свежести горного воздуха? Нет, это невозможно.

И вдруг случилось непредвиденное: гроза всего квартала теткин бульдог Адольф завершил свой земной путь. А безутешную тетку со всей ее семьей таки забрали к себе в Австралию Танины родители.

...Звонок раздался ранним утром. Телефонный аппарат сухо задребезжал, норovia развалиться на части. Надо сказать, он был старинный, в черном с позолотой корпусе, с медным цифровым диском и забавной продолговатой трубкой.

Мама всегда звонила на домашний телефон — наверняка чтобы проверить, долго ли еще продержится этот старина-аппарат.

У Татьяны вчера был день рождения. Честно говоря, она отметила его так себе: пришли совсем не те, кого видеть хотелось бы. Во-первых, лучшая подруга Руслана — директор модельного агентства, деловитая, энергичная и не в меру болтливая, укатила со своими моделями в Киев на важный показ. Во-вторых, перед самым празднованием Татьяна разорвала отношения с Толиком. Парень считался ее женихом и открыто заявлял об этом каждому встречному, хотя девушка не раз говорила, что замуж не собирается. И вообще — хотела бы в этом году поступить в институт на отделение туристического бизнеса. И вот позавчера произошло неминуемое: подгадав момент, Толик ловко надел ей золотое кольцо на палец и тут же торжественно сообщил, что теперь у нее начнется новая жизнь, — в тепле и уюте его родительского дома, без институтов и прочей ненужной чепухи. Услышав такое заявление, «невеста» одним энергичным взмахом скинула подарок и заявила, что никогда не любила всех этих колец-браслетов и постоянно носить не собирается. К сожалению, сразу же пришлось распрощаться и с несколькими общими друзьями, из чего Таня сделала вывод, что рвать опостылевшие отношения все-таки лучше после дня рождения — ведь с

бывшей любовью уходит часть твоей жизни, часть людей, даже часть привычек и занятий, и уходит навсегда.

Вот почему сейчас у Татьяны на душе кошки скребли; да и больше спать хотелось, чем разговаривать, поэтому смысл сказанного мамой не сразу дошел до ее сознания.

Оказывается, пока она вчера пила шампанское, в некоем Цямбронне, в Карпатах, скончалась ее прабабушка, аккурат во сто и один год, и оставила в наследство ей, неизвестной правнучке, загадочное «нечто». Мама так и сообщила: нечто. Таня могла поспорить, что это какие-нибудь старые тряпки, траченные молью, в плесени и паутинах. А может, книги или бумаги? Старинная Библия, альбом с фотографиями, набор фаянсовой посуды... или — девичий дневник?

Татьяна улыбнулась этой мысли: читать про молодые страсти столетней бабки? А что, интересно... Кто знает, как резвились юные девицы в начале XX века? И все-таки в какое-то неизвестное село ехать не хотелось. Она ведь даже не видела свою дальнюю родственницу... Так что не надо ей чужого наследства. Но мать, звонившая раз в полгода, а тут вдруг второй раз за сутки, была настойчива как никогда — даже о себе ничего не рассказывала. Все твердила и твердила про поездку в горы. Рассудив, что лучше сдаться, чем так мучиться, дочка скороговоркой сообщила, что подумает, и после быстрого прощания бросила еще теплую от дыхания трубку на металлический рычаг.

Но самое неприятное — этот звонок послужил финалом ужасному сну; правда, помнила Татьяна утреннее видение обрывками — вроде бы огонь посреди леса, яркие оранжевые сполохи в ночном небе... или алые? Видение было досадным, но не более, чем разговор с мамой.

Дверной звонок зашелся скрипучим кашлем.

Подумав со вздохом, что надо бы починить бедное устройство, Татьяна отодвинула чашку со свежесваренным кофе и пошлепала открывать.

На пороге стояла Руслана, веселая и разругавшаяся. От самого вокзала бежала, что ли?

— С двадцатидвухлетием и освобождением! — Подруга извлекла из-за двери коробку, украшенную алым бантом, и большой желтый конверт.

— Откуда знаешь? — встрепенулась Татьяна, взяла подарки и почему-то окончательно расстроилась.

— С детства с тобой дружу, — рассмеялась Руслана, явно игнорируя прямой намек.

— Ты что, решила меня деньгами ассигновать? — Таня повертела в руках конверт и даже посмотрела его содержимое на свет. — Надеюсь, хватит на первый год учебы в престижном университете?

— Размечталась! — хмыкнула Руслана. — Это у тебя под дверью лежало... Вроде бы.

— Так лежало или вроде бы?

Подруга как-то странно посмотрела на нее и вдруг отколола штучку: ее глаза разъехали в стороны, а после резко сошлись к переносице, как будто Руслана страдала косоглазием.

— Странно, правда? — добавила она и опять скосила глаза, но уже в одну сторону.

— Да нет, — рассеянно ответила Татьяна, немного озадаченная мимикой подруги. — Замок у нас на почтовом ящике сломан. Скорей всего Михалыч с первого принес. Наверное, постеснялся позвонить.

Зажав конверт под мышкой, она терпеливо сварила еще одну порцию кофе. Непривычно молчаливая Руслана наблюдала за ее действиями. Наконец, когда они обе разместились в гостиной на диване, Таня позволила себе поближе рассмотреть письмо.

Бумага была плотной, не просвечивала. На ней красовались десять здоровенных марок с изображением страшноватых готических кукол и печать местного почтамта, а в левом углу значился Танин адрес. Отправитель указан не был.

— Да ты откроешь наконец?! — не выдержала Руслана. Глаза подруги уже не косили, но опасно блестели. — Я сто лет писем не получала. Электронные — не в счет, неромантично. Кстати, в коробке — радиотелефон. Поставишь себе нормальный, а свой старинный выкинешь.

— Да ты что! — ужаснулась хозяйка старинного телефона. — Он, может, еще в Смольном стоял.

— Открывай давай!

Таня изумленно выгнула бровь. На миг ей даже показалось, что это не ее подруга детства, не Руслана. Конечно, та бывала напористой, но обычно вела себя куда сдержаннее. Но нет — те же голубые глаза, короткая темно-каштановая стрижка, прямая осанка и любимая поза — руки, сложенные на коленях. Но все же... Тане даже показалось, что силуэт подруги словно бы расплывается, размываясь радужными пятнами...

Она тряхнула головой.

«Недоспала», — подумала вскользь и быстро надорвала конверт. Ей в руки упал клочок бумаги в клетку, неловко оборванный по краям, словно наспех выданный из тетрадки:

«Пани Татьяне Окрайчик.

С прискорбием спешу сообщить Вам, что госпожа Марьяна Несамовита скончалась вчера ночью. Прошу Вас немедленно приехать в село Цямбрене, улица Кривая, дом шесть, чтобы получить сундук, указанный в наследство Вам прабабушкой. Явиться надлежит немедленно».

Разобраться в корявом неряшливом почерке оказалось нелегко, но куда труднее было вникнуть в смысл. Перечитав письмо несколько раз, Татьяна взглянула на подругу.

— Смотри-ка, — передала она ей записку. — Мама звонила как раз по этому поводу. Какая-то ерунда.

— Не говори так! — с жаром воскликнула Руслана, театрально вздела руки и опять скосила глаза.

У Тани от изумления открылся рот.

— Тебе что, даже неинтересно? — вдохновенным голосом продолжала подруга, будто действительно репетировала сцену из спектакля. — Это же на-след-ство! Какая-то вещь старинная. Поставишь дома, будешь всем хвастаться. Да и недалеко это, в горах — почти рядом! Только дороги размыло, ни пройдешь ни проедешь. Тачку бы найти с полным приводом.

Татьяна машинально потерла лоб и прищурилась. Поведение подруги озадачивало. Во-первых, Руслана — ярая почитательница хайтека и авангарда, ненавидела антикварные вещи. Тот же Танин «царский» телефон ее всегда раздражал. Вон, даже новый подарила. Во-вторых, она в горах не бывала лет пять — аккуратно с того времени, как занялась своим модельным бизнесом. Откуда знает про дороги? Да и в машинах она слабо разбирается...

— Слушай, а почему письмо так быстро дошло? — подумала она вслух. — Ведь прабабка только вчера...

— А, ну да. Так ведь курьера к тебе подослали? То есть послали, конечно... — Подружка беззаботно пожала плечами и откинулась на спинку дивана. Ее колени, обтянутые строгой длинной юбкой, разошлись в стороны, словно она была в джинсах. — Лично! Так что гордись.

— Так нет же курьера! — Таня окинула подругу пристальным взглядом, будто «курьер» мог спрятаться где-нибудь у нее под юбкой.

— Не бери в голову, — немного с раздражением ответила Руслана. — Надо ехать — и точка.

— Слушай, а как твой показ прошел? — осторожно спросила Таня. — Удалось контракты заключить?

И Руслана, которой только дай зацепку поговорить о любимом деле, сказала:

— Вот давай не будем о всякой ерунде.

Но, увидев, какое сильное впечатление произвели ее слова на хозяйку квартиры, быстро добавила:

— Устала я, извини... Чемодан в коридор бросила — и сразу к тебе с подарком.

Таня, которая и сама еще толком не проснулась, облегченно вздохнула:

— Ладно, тогда еще кофе сварю.

— И сахара побольше, — деловито подсказала подруга, вновь покосила глазами туда-сюда и первой пошла на кухню.

Вразвалочку. Как простой дворовый мальчишка, а не директор преуспевающего модельного агентства.

Через полчаса подруга все-таки ушла домой — собираться в дорогу. Таня осталась сидеть на диване, все еще не до конца понимая, как ее уговорили ехать в горы. И кто? Руслана! Ее даже на речку пойти не уговоришь! Не то что в лес...

Но подруга ушла, пообещав, что «на крайняк достанет какую-нибудь рухлядь, которую и с обрыва спустить не жалко», и Тане не оставалось ничего другого, кроме как начать сборы.

«Ну и ладно», — подумала она, маленькое приключение никогда не повредит. Конечно, жалко целого воскресенья, зато время на природе проведут. Да и подружке не помешает хорошо проветрить голову.

Руслана пришла ровно через час: в спортивном костюме и кроссовках, с небольшим рюкзаком за спиной.

— Тачка есть! — подмигнула она. — Один друг поделился... До вечера успеем вернуть. Даже не заметит!

Она хохотнула, явно довольная собой.

Татьяна, решив не обращать внимания на новые странности подруги, переделалась и запаслась провизией из холодильника: бутылкой минералки, двумя шоколадками и парой круглых булочек с колбасой, еще вчера гордо лежавших на праздничной тарелке. После пришлось искать старые кроссовки для гор, не надеванные с осени. Руслана при этом цокала языком, называла ее черепахой и даже раз, подгоняя, хлопнула по заднице. Это окончательно разозлило Таню. Она прикрикнула на расшалившегося директора, что не поедет за своим, между прочим, наследством, если та не перестанет ее торопить.

Руслана обиженно прищурилась, но присмирела.

Глава 2

ЦЯМБРОНЕ

Что такое горные дороги весной? Это реки льда и грязи, куски слоистой породы вперемешку с прошлогодним травяным дерном. То и дело попадаются коряги, стволы поваленных деревьев, мелкий бурелом. Но Руслана вела уверенно, легко преодолевая подъемы и повороты, лихо объезжая препятствия, словно ездил по этой дороге много раз. На вопрос Татьяны о том, где она научилась так хорошо водить внедорожник, подруга отмалчивалась с загадочным блеском в глазах.

Но вскоре уверенности у водителя поубавилось: после очередного крутого поворота она вдруг резко притормозила.

— Дальше не знаю, — сказала она удрученно. — Надо бы местных расспросить.

И опять почудилось Татьяне, что вокруг силуэта ее подруги расплывается радужное сияние... Или это блики солнечного света играют на тонированном стекле машины?

— И где это проклятое село?! Надо же было так спрятаться! Вот же старая ведьма...

Татьяна и сама жалела о задуманном предприятии, но все же обиделась за прабабку. Дороги дорогами, а никто не просил Руслану тащиться в эти места. Сама вызвалась.

Она уже хотела высказать подруге все, что думает, когда Руслана, одарив ее предупредительным рассерженным взглядом, вновь нажала на газ.

Через полчаса Татьяна заскучала. Дорога стала ровнее, но им так и не встретилось ни села, ни хотя бы живой человеческой души.

Погода начала хитрить: тучи сгрудились в плотную кучу, небо потемнело и в воздухе повеяло предгрозовою прохладой. А гроза в горах — не шутки. Самое время предпринять более решительные действия.

— Поворачиваем? — с тайной надеждой произнесла Татьяна.

— И не думай, — непреклонно ответила Руслана и еще сильнее нажала на газ. Но машина ответила натужным урчанием, и раздался хрюкающий звук.

Вот это да! Джип заглох.

— А говорил, лучшее авто дам! — Осерчав, Руслана изо всех сил ударила по рулю ладонью.

— Кто говорил? — машинально спросила Татьяна, усиленно размышляя, как же теперь ехать назад. А если машина вообще не заведется? До ближайшей автомастерской километров пятнадцать по пересеченной местности.

Руслана так и не ответила.

Татьяна вытасила мобильный, гадая, кому же позвонить и попросить о помощи.

— Девчата, шо ищите? — В окно машины заглянул старичок. Одет он был по-местному: в короткие широкие штаны, рубаху и кожаную меху, седую голову венчала помятая гуцульская шляпа с черным вороньим пером.

— Село Цямбрене, — обрадовалась Татьяна. — Далекое до него?

— Так это за поворотом сразу, за горой Каменный Клык, — радостно доложил дедок. — Только машина не пройдет, там мост слабый, бревенчатый. Пешочком сходите.

— Спасибо! — буркнула Руслана. — Сами справимся.

Татьяна в недоумении оглянулась на подругу — та выглядела весьма хмуро.

Пока она оглядывалась, дедок исчез. Открыв дверь, Татьяна соскочила и побежала вперед, надеясь догнать его и расспросить получше.

Но вскоре она вернулась.

— И куда он пропал? — расстроено пробурчала она, забирая рюкзак с сиденья.

— Дальше по делам рванул, — ответила Руслана и тоже вылезла из машины.

— Так уж и рванул?

— Поверь, этот дедуля — жилистый, — процедила Руслана. Она явно была не в духе. Рассерженно пнула колесо машины: — Короче, леди, дальше пойдем ножками. Знать бы еще куда.

Это стало последней каплей. Татьяна выпрямилась:

— Ты как хочешь, а я пойду домой.

— И далеко собралась? — хмыкнула подруга, продолжая изучать колеса. — Спустила шина на переднем, вот же...

— Напролом.

Видя, что она настроена решительно, Руслана схватила ее за руку:

— Стой, а тачка? Ее же теперь лошаадьми надо вытаскивать. Все равно придется в село идти.

— Какие лошади? — ужаснулась Татьяна. — Ты давно вообще коня видела? Извини меня, конечно, но... Ты как-то совсем на себя не похожа! То тебя в горы не вытащишь, то строишь из себя заправского водилу.

Руслана неожиданно смутилась: выпрямилась, пригладила волосы, ощупала свое лицо, похлопала по бедрам.

— Я не выпалась, — заявила она и зевнула — очень ненатурально. — Поездка, гм... модели эти... И вот тебя еще в такую передрагую закинула.

Последнюю фразу она проговорила в полном отчаянии, и Таня смягчилась.

— Ладно, — буркнула девушка. — Пошли вперед. Найдем людей, хоть каких-нибудь, не таких жилистых.

Про себя она подумала, что не стоило им идти наобум в дикие горы. Лучше бы наняли проводника в ближайшем городке. Но теперь-то что говорить — поздно.

Девушки перешли шаткий мост над быстрой речушкой, протоптали по извилистой тропке меж папоротниковых зарослей и, раздвинув густые ветви лещины, увидели наконец село Цямбрене.

Оно оказалось неожиданно большим — дворов сто. И хаты были добротные, с ухоженными крышами и расписными ставнями. Во дворах мычали коровы и блеяли козы.

Пока они искали нужный адрес, небо заполнили темные паруса туч. Где-то вдаль пророкотал пока еще слабый гром. Повеял свежий предгрозовый ветер, и стало намного прохладнее.

Дом почившей прабабки нашелся на отшибе и выглядел победнее остальных: черепица на крыше во многих местах обвалилась, краска на стенах поблекла, ставни на окнах покосились.

— Ну, — Татьяна сделала глубокий вдох, — пойдём!

Но Руслана опять взбрыкнула.

— Э-э, знаешь что? — Ее глаза так и забегали. — Я тебя здесь подожду... Э-э, погуляю, пока погода не испортилась.

И тут, будто в опровержение ее слов, огромная молния разрежала небо на две части. От молнии пошли лучистые ручейки, и ударил настоящий весенний гром.

На какой-то миг Татьяне стало страшно. Она тряхнула головой, борясь с тяжелыми предчувствиями, и сделала еще одну попытку:

— Давай вместе, а?

— Я же сказала — тут подожду! — рявкнула Руслана и отошла к забору.

Татьяна разозлилась, но решила оставить выяснение отношений на более подходящее время. Она толкнула скрипучую калитку, прошла по дорожке к дому и осторожно постучала в крепкую, обитую железом дверь.

Тишина. Девушка стукнула громче и уверенней.

Раздались медленные, шаркающие шаги, заскрипел засов, и на пороге появилась старушка. Была она сухонькая, какая-то вся маленькая, сморщенная, с испуганными недоверчивыми глазками.

— Что вам угодно? — Голос был дребезжащий, тихий. — Кто вы?

— Окрайчик, — непонятно отчего робея, представилась гостья. — Татьяна Окрайчик. Это вы мне написали? — Девушка в волнении протянула записку вместе с надорванным конвертом.

Близоруко прищурившись, старуха посмотрела на клочок бумаги:

— Да, это я писала. Проходите. Какие еще предъявите доказательства?

— Доказательства чего? — опешила девушка.

— Вашей личности, конечно. — Старуха смерила ее подозрительным взглядом.

— Это сгодится? — Поудобнее перекинув рюкзак, Таня вытащила из кармашка паспорт.

Старуха внимательно изучила документ.

— Пожалуй, все верно. Хотя паспорт и подделать можно, — изрекла она, продолжая недоверчиво коситься на гостью.

Татьяна окончательно уверовала в то, что сегодня с нее хватит чудаков, включая подругу.

— Знаете что, дорогая бабушка, — процедила она. — Как вы думаете, хотелось ли мне тащиться в неизвестное село за каким-то чертовым наследством да еще попасть в грозу?

Девушка выпрямилась, готовая к ответной тираде хозяйки дома, но та вдруг отступила, глазки ее забегали, и она пролепетала:

— Извините, пани, сразу кровь не признала.

Она скрылась в соседней комнате и тут же вернулась, неся в руках солидный темный сундучок.

Татьяна тут же приняла наследство, оказавшееся неожиданно тяжелым, — наверное, килограммов семь.

— А теперь, пани, уходите. И дорогу в наше село забудьте.

— Но... — Татьяна немного опешила. — Но мне кажется... Я ведь должна...

— Уходи немедленно! — громко прошептала бабка, опасливо оглядываясь. — Не Марьяны тебе бояться нужно, а тех, кто ее боится!

Быстро справившись с изумлением, девушка почти бегом припустила по дорожке, толкнула калитку и так рванула с места, словно за ней черти погнались.

Руслана еле попевала за ней, но Татьяна остановилась только на вершине дальнего холма и лишь тогда оглянулась. В предвечерних сумерках село показалось ей неестественно притихшим: не было слышно ни людского говора, ни мычания коров, ни петушиного пения — будто все вымерли. Она поискала глазами домик старухи, но не нашла — все хаты казались одинаково страшными.

Руслана подошла, тронула за плечо:

— Эй, что с тобой?

— Странно все, — прошептала Татьяна, едва шевеля губами, — непонятно...

В ту же минуту дождь обрушился на них лавиной холодных тяжелых капель, безжалостно захлестал по лицу.

Девушки рванули вниз, то и дело поскальзываясь, — ноги разъезжались на вязкой болотной земле. Но все-таки обратный путь занял у них куда меньше времени.

Очутившись на переднем сиденье машины, Татьяна наконец-то почувствовала себя в относительной безопасности.

— Трогай, быстрее! — резко скомандовала она, прижимая к груди заветный сундук. Теперь, лежащий у нее на коленях, пахнувший сыростью, деревом и паутиной, он казался ей самым дорогим на свете.

Руслана беспрекословно повиновалась. Взвизгнув, машина сразу завелась, колеса вспороли пласт мокрой земли и, поднимая фонтан грязевых брызг, уверенно покатали вниз по дороге.

Глава 3

НАСЛЕДСТВО

Татьяна с самого детства считалась симпатичной девочкой: светло-пепельный перелив волос, глаза необычайно яркого-зеленого оттенка и пухлые губы со слегка приподнятой верхней. Гармонично очерченное лицо не портил даже курносый нос. Ее жизнь была похожа на калейдоскоп ярких красок, интересные увлечения сменялись одно за другим: то модельный бизнес, то скалолазание, то увлекательные поездки за рубеж, то сплавы по реке и поездки в горы, — и всегда рядом были друзья и подружки. И с парнями у нее никогда не было проблем, разве что с Толиком, который почему-то не находил особой радости в активном времяпрепровождении.

Проблем вообще не было, и четких целей тоже не было, и далеко идущих планов. Татьяне просто хотелось жить и радоваться. Как говорят: живи свободно, не мешая другим!

Но где-то глубоко внутри пряталось неясное ощущение, будто делает она что-то не так и жизнь ее идет не туда, неправильно, словно бы она чужую проживает, а своя без дела в чулане лежит...

Сундучок оказался прямоугольный, из темного дерева, с коваными уголками и резной, причудливо инкрустированной серебром крышкой. Узор на крышке изображал тонкие переплетения паутины с ползающими по ней пауками. У самого большого паука спинку заменял огромный и выпуклый мутно-желтоватый камень — по виду настоящий опал. Внутри камня светилась яркая солнечная искра, которая невольно приковывала к себе взгляд. Недолго думая, Татьяна нажала на камень, и крышка с легким щелчком отворилась.

— Откуда ты знала?! — В голосе Русланы сквозило искреннее потрясение. — Неужели прабабка успела рассказать, как он открывается?

Вопрос был непонятным, нелогичным — ну когда бы она успела поговорить с усопшей родственницей? Но Татьяна даже не придала ему значения — все ее внимание было направлено на сундук и его содержимое.

Внутри сундука, обитого черным переливающимся бархатом, соседствовали моток зеленых шерстяных ниток, холщовый мешочек, перехваченный простой резинкой, и хрустальный флакон с темной жидкостью.

— А бабушка — шутница, — разочарованно протянула Татьяна, первым делом извлекая мешочек. Сняла тонкую резинку и вытащила нечто удивительное — браслет, выкованный из потемневшего от времени серебра.

— Восторг! — Глаза у Русланки загорелись. — Дай поближе глянуть, а?

Но Татьяна покачала головой и надела браслет на левое запястье.

Украшение смотрелось превосходно: обвиваясь вокруг ее руки, грациозная змейка кусала себя за хвост, поблескивая глазами-изумрудами.

— Смотри, тут еще что-то есть. — Руслана извлекла из мешочка лист бумаги, сложенный вчетверо. — На, держи.

Татьяна аккуратно развернула записку:

— «Милая Татьяна, — прочтала она вслух, — не знала ты раньше обо мне — оно и к лучшему. Но так сложились звезды над твоей головой, что придется тебе принять наш дар родовой, фамильную реликвию — браслет магический, чародейный, из поколения в поколение передаваемый. В браслете этом сила страшная, ведьминская, на жертве добровольной замешана. Как на руку его, повыше локтя, наденешь — дар и обретешь...»

Татьяна вытаращила глаза. Старушка, оказывается, того, немного не в себе была. Только сумасшедших в роду не хватало!

— «...с самого рождения твой он, душенька, но так как шибко мы с твоей бабушкой разругались, лишь сейчас клятву дарения приношу. Только регистрацию получить тебе надо бы у главного черта прикарпатского. Поэтому в ближайшее полнолуние слетай на шабаш — там тебе все расскажут. Для этого в полночь разденься донага, сядь на сундук, выпей вино-зелье из флакона хрустального да брось клубок перед собой. Как лунный свет на клубок попадет, крикни: «Эге-гей!», а дальше сама все поймешь. И напослед — счастья тебе всякого, ведьма. А браслет свой — береги и никому не отдавай».

Последние строки Татьяна дочитывала с растерянным выражением на лице.

— Да-а, — протянула она, — видать, совсем под старость лет спятила бабулька... Ведьмой обозвала, как тебе такое?

— Да нормально, — рассеянно отмахнулась подруга. — Родственники и похуже сказать могут... Ну что, поедешь на шабаш?

— Ты тоже рехнулась? — изумилась та. — Какой шабаш? Уж лучше на Казантип махнем, как ты хотела, — вот где праздник!

— Я давно передумала, — мрачно произнесла Руслана. — А слетать советую... Ну, чтобы проверить прабабкино письмо.

— На сундуке слетать? — уточнила Татьяна. — Голой и пьяной?

Руслана неожиданно ухмыльнулась:

— Неужели никогда не пробовала?

У Тани глаза на лоб полезли.

— Да как-то не приходилось мне на шабаши летать, — огрызнулась она. — И не собираюсь начинать.

— Скучно живешь, — прокомментировала подруга.

Глядя на ее хмурое лицо, Татьяна в который раз удивилась переменам, произошедшим в поведении директора модельного агентства.

Руслана неожиданно встрепенулась:

— Слушай, у меня антиквар знакомый есть, ювелир, специалист по старине... — В ее глазах притаились хитрые искры. — Давай покажу ему твой браслет. Может, присоветует что... Хотя бы цену своему украшению узнаешь.

— Да зачем? — изумилась Татьяна. — Не все ли равно, сколько оно стоит? Так буду носить.

— Да неужели тебе неинтересно? — продолжала гнуть свое Руслана. — Один сундучок чего стоит... Вдруг всему этому больше ста лет? Да может, это редкость немыслимая?

— Короче, сундук забирай, — тут же сдалась Таня. Она устала от сегодняшних приключений и хотела только одного — чтобы подруга ушла. — Отнеси сундук этому ювелиру, пусть поглядит. Только ему не оставляй, сразу обратно принеси.

— Понятное дело! — Руслана сгребла сундук в охапку, но не удержалась — кинула жадный взгляд на браслет.

И Татьяна не выдержала:

— Ладно, ладно, все забирай! — Она стянула украшение и бросила его подруге — та ловко поймала.

— Вот теперь я иду. — Довольная, Руслана бережно спрятала браслет в сундук. — Тяжелый какой! Ну пока, ведьма!

Татьяна даже не стала отвечать — просто с силой захлопнула за подругой дверь.

...Спала девушка беспокойно. Летала во сне голая, сидя на собственной кровати, а вокруг нее пели непристойные песни черти и, заливаясь жутким хохотом, водили хоровод ведьмы.

На следующий день Руслана так и не позвонила. И еще через день тоже.

«Наверняка занята в агентстве», — решила Татьяна, особо не беспокоясь. Но браслет вспоминала: то и дело рисовалась в воображении серебристая змейка с изумрудными глазами.

Впрочем, она была озабочена собственной судьбой — искала работу, проглядывая объявления в Интернете. Возможно, осенью она поступит в институт, а до этого времени стоило чем-нибудь заняться. Пока что ей попадались не очень «лестные» свободные вакансии: официантка, уборщица в супермаркете, билетерша в кинотеатре, аниматор по вызову...

Ближе к вечеру позвонила Маришка, секретарша Русланы, умная и ответственная девушка.

— Татьяна, вы не знаете, куда наша директриса подевалась? — спросила она после короткого приветствия.

— То есть как подевалась?

— У нас через пятнадцать минут ответственное мероприятие! Шоу! А ее нет!

— Может, она где-то на подходе? — осторожно предположила Татьяна. — Подождите минут двадцать.

— Нет, она всегда заранее приезжает. Документы просмотреть, ознакомиться с залом, накричать на всех, построить... А к фуршету подготовиться?! За два часа приезжает как минимум... — Маришка неожиданно всхлипнула. — У нее мобильный не отвечает. И домашний...

— Значит, аккумулятор разрядился! — Таня рассердилась, потому что сама начала волноваться. — Вы что, совсем без нее не справитесь?

— Да справимся, — фыркнула секретарша. — Просто необычно... Может, вы к ней домой все-таки съездите? Вдруг она заболела, все телефоны выключила и просто отлеживается? Правда, подобные выкрутасы не в ее стиле.

— Хорошо, посмотрю, — тут же согласилась Татьяна. — А вы пока начинайте — не отменять же шоу.

Собираясь на ходу, она первым делом позвонила подруге на мобильный, но равнодушный голос сообщил, что абонент находится вне зоны доступа.

К домашнему телефону тоже никто не подошел.

Ну что ж, действительно придется ехать, — правда, погода опять испортилась. Словно в ответ на ее мысли с улицы раздался гром: начиналась майская гроза.

Такси остановилось перед элитной многоэтажкой. Только Татьяна вылезла из машины и раскрыла зонт — мощный порыв ветра вывернул его наизнанку, выхватил из рук и с невероятной скоростью понес по пустынной улице. Ругнувшись ему вслед, девушка побежала к подъезду. В какой-то момент под ногами что-то истошно заверещало — это огромный черный котьяра сиганул наперерез, испугав девушку до ужаса. Трижды плюнув через левое плечо и выказав все, что думала о погоде, подругах и котях, Татьяна наконец добралась до теплого освещенного подъезда.

Поздоровавшись с консьержкой, она бегом поднялась на третий этаж, подошла к двери и позвонила.

Тишина. Девушка продолжала трезвонить до тех пор, пока не стало ясно: дома никого нет.

Сердце беспокойно заколотилось. В голове рисовались зловещие воруги, ограбившие Русланку, пока та была у ювелира. А может, выследили ее и потом напали? Почему-то Татьяна была уверена, что подруга попала в передрагу именно из-за серебряного браслета. Эх, да что же она адрес того ювелира спросить забыла?!

Пришлось несолоно хлебавши спускаться обратно.

Как ни странно, такси еще не уехало.

И Тане пришла в голову отличная мысль: во время поездок Руслана иногда отдавала ключ соседям, чтобы те поливали цветы. Оставалось уговорить этих людей осмотреть вместе с ней квартиру пропавшей без вести подруги.

Таксист, молодой усатый мужчина, с любопытством смотрел на девушку, явно ожидая от нее каких-то действий.

— Подождете меня? — спросила у него та, давая двадцатку в залог.

— Конечно, леди, — улыбнулся таксист. — Только будьте порешительней, ладно? Я-то подожду, а время не ждет. — Он вытащил мобильник и погрузился в какую-то игру, перестав обращать на девушку внимание.

Татьяна пошла к дому, гадая, что могло бы значить такое странное высказывание. Похоже, таксист решил, что она приехала к своему парню и не решается позвонить в дверь. Ну да и черт с ним, пусть думает что хочет.

Тяжелая бронированная дверь в квартиру подруги была приоткрыта.

— Есть кто? — Девушка с опаской заглянула внутрь и, поразмыслив, ступила в темноту коридора.

Привычно хлопнула в ладоши, зажигая свет. Осмотрелась.

Никого не было. В этом девушка убедилась, оглядев все двести сорок метров шикарной квартиры. Везде было чисто, убрано и все расставлено по местам — никаких следов ограбления.

Наконец Татьяна заглянула в спальню, где и нашла на туалетном столике свой заветный наследный сундучок. Ощущая неизвестно откуда взявшуюся слабость, девушка подошла, вновь нажала на паучью спинку. Крышка приоткрылась. Внутри по-прежнему лежал мешочек, записка, пузатый флакон и клубок зеленых шерстяных ниток.

Не было только браслета.

Он пропал, как и Руслана.

Татьяна решительно взяла сундучок под мышку и вышла из квартиры, хорошенько хлопнув дверью: замок был английский и сразу же закрылся.

— Леди, советую внимательно читать записки!

На лестнице, опираясь спиной на перила и держа руки в карманах джинсов, стоял паренек. На вид — лет шестнадцать, среднего роста, смугловатый. Самое интересное, глаза у него были чернющие, а волосы — белые, будто сильно выгорели на солнце. Сто процентов, что он много загорает... Если живет в таком шикарном доме, наверняка вместе с родителями круглый год по круизам ездит. А глаза эти, с хитринкой, знакомые. Странно... Как будто раньше его где-то видела.

— Какие записки? — перехватывая сундук поудобнее, спросила Татьяна.

— Те самые записки, леди! Вы и так для посвящения старая, поторопились бы! Луна сегодня как раз подходящая для этого случая.

Закончив свою более чем дивную речь, парень озорно подмигнул и помчался вверх по лестнице, только Татьяна его и видела.

Девушка поставила сундук на пол, открыла крышку, извлекла записку. Перечитала прабабкино послание — все тот же бред про шабаш, луну и вино. Машинально она перевернула листок и вдруг, не веря глазам, разобрала Русланин почерк: «Танька, это работает!!!» Буквы были корявыми, написаны явно торопливо.

Мысли, словно пазлы, моментально сложились в цельную картину: подругу опоили, а после похитили, ну а вместе с ней — серебряный браслет-змеяку.

Следующим Таня выхватила из сундучка флакон и обнаружила, что он больше чем наполовину пуст. От изумления девушка громко икнула. Может, Русланка действительно улетела?!

С этой мыслью она и вернулась на лестничную площадку.

Дверь в квартиру вновь оказалась открытой. А ведь Татьяна хорошо помнила, как щелкнул замок. Неужели вернулась Руслана? А может, похитители?

Девушка судорожно схватилась за ручку двери, но войти не решилась.

Сзади послышался ехидный смешок.

Она обернулась. Опять этот парень!

— Послушайте, леди, вы долго будете туда-сюда ходить? — прищурился он. — Если вы сегодня ночью не полегите на регистрацию, то так и умрете бездарной. Вы и так, на мой взгляд, староваты для посвящения.

Вот же наглость!

— Мне послышалось или ты только что оскорбил меня, малыш? — грозно произнесла Татьяна и сдвинула брови, чтобы мальчишка знал — она не шутит.

Но тот и не думал пугаться. Наоборот, еще шире заулыбался.

— Я же сказал: если вы не поспешите на шабаш, то так и останетесь без дара, то есть бездарной, — охотно пояснил он. И, не давая девушке возможности высказаться в ответ, добавил: — Там и о подруге своей узнаете, леди.

— Что? — опешила Татьяна. — О Руслане? Что с ней?!

— А я откуда знаю? Я, что ли, главный черт прикарнатский?! — Он хохотнул, снова подмигнул и испарился.

Исчез, растворился в воздухе. После него остался лишь едва клубящийся черный дымок, да и тот вскоре рассеялся.

У Татьяны округлились глаза, перехватило дыхание и мелко задрожали колени.

Через некоторое время она справилась с собой, вбежала в квартиру и закрыла дверь на все три замка. Каким образом удалось это сделать, не выпуская сундука из рук, она так и не осознала.

Обследовав квартиру еще раз, девушка обнаружила в спальне открытое настежь окно. Не через него ли «улетела» Руслана? Ведомая этой диковатой мыслью, несчастная Татьяна прошла в комнату, где горел мягкий приглушенный свет, и села на пышную ярко-синюю постель.

Так. Мальчишка знал о даре, шабаше и исчезнувшей Руслане, причем советовал торопиться. Таксист — тот ничего не говорил о шабаше и чертях, но тоже рекомендовал поспешить.

Кажется, прабабка была непроста, ох как непроста. Сундук, браслет, черти, шабаш... Спасибо тебе, бабушка!

Не сдержавшись, Татьяна крепко выругалась: Руслана ведь пропала, черт подери! И все из-за этого сундука, из-за драгоценного браслета!

Когда положение кажется отчаянным, стоит пробовать все доступные способы, которые могут подсказать выход из трудной ситуации.

Памятуя об инструкции в прабабкином послании, Татьяна медленно разделась, стесняясь того, что делает. Потом прошла в ванную комнату и пустила воду. Десять минут раздумий в душе не дали никакой новой подсказки.

«Ведь не на сундуке же Русланка улетела в самом деле? — стала рассуждать она немного спокойнее, вытираясь мягким пушистым полотенцем. — Сундук же тут... Но флакон? Он ведь наполовину пуст!»

Татьяна как была голая села на кровать и медленно пододвинула к себе сундучок.

Вот флакон, вот мешочек, где когда-то был браслет. Девушка вытянула из него дурацкую бумажку и еще раз перечитала. Записка уже не казалась ей такой глупой, как при первом прочтении. Наоборот, словно зловещая тень упала на буквы: теперь смысл написанного предстал перед ней совершенно в другом ракурсе.

Внезапно погас свет. Ойкнув, Татьяна с силой захлопнула сундук, крадучись, подошла к окну и с опаской выглянула наружу: соседние дома тоже были темными, без единого светящегося квадрата, — наверное, очередные неполадки на электростанции.

Устроившись так, чтобы оказаться освещенной луною, девушка снова раскрыла сундучок. Неисследованным остался только...

Клубок. Она осторожно взяла его в руки, повертела перед собой. И вдруг, в какую-то секунду, мохнатый шерстяной бок озарился мягким лунным светом.

Произошло чудо: клубок вырвался из рук и завертелся в воздухе, словно его подвесили на ниточке.

Но ниточки-то не было!

Замерев, Татьяна не сводила с него глаз, а клубок все вертелся и вертелся, будто бы танцую.

Когда знаешь, что чего-то не стоит делать, а хочется, то лучше делать это очень быстро.

Поэтому она извлекла из сундука флакон. Жидкость в хрустальной емкости отливала мрачным багряным светом.

— Пей! — приказала себе Татьяна и разом опустошила пузырек. После этого она переместила на пол сундук и тут же взгромоздилась на него.

Что дальше? Ах да...

— Эге-гей! — залихватски выкрикнула девушка, чувствуя, как вино-зелье приятным теплом разливается по телу, прогоняя страх и неверие в чудеса. Она машинально сжала пятками острые кованые сундучные бока...

И вовремя!

Словно живой, сундук дернулся в сторону, в другую, подскочил — и вдруг со страшным скрипом вытянулся в длину. На крышке между спинами двух пауков появилась массивная кованая ручка.

Татьяна икнула от неожиданности, но тут же вцепилась обеими руками в новоявленную ручку. Сундук произвел отчаянный рывок, поднимая девушку в воздух, да так и сиганул со всего маху в раскрытое окно.

«Чему быть — того не миновать!» — решила для себя Татьяна и почти перестала волноваться.

Сундук послушно летел за вращающимся клубком, который указывал дорогу, ловко и уверенно пробираясь между корпусами девятиэтажек; он не поднимался выше пятого-шестого этажа, очевидно, чтобы дать своей наезднице попривыкнуть.

Вскоре девушка заметила, что приближается к черте города: вот недалеко самый крайний дом на набережной, стоящий особняком от остальных строений, а дальше за ним должна быть река. Сундук замедлил ход и плавно облетел особенно длинный, тянувшийся на дюжину подъездов дом.

— Мама, смотри! — прокричал детский голос. — Летающая тетя!

Татьяна вытаращила глаза, пытаясь разглядеть остроглазого мальчугана, но в следующий миг сундук резко набрал скорость, взмывая за клубком, и вскоре она уже летела над темной водой, отсвечивающей нежным и таинственным серебристым блеском.

За рекой начинался небольшой лес. Сундук набрал такую бешеную скорость, что только ветер свистел в ушах, поэтому Татьяна пригнула голову и еще крепче вцепилась в деревянные бока, молясь о том, чтобы не свалиться. Каково же было ее удивление, когда впереди вдруг выросли вершины гор, грозно темнеющие на фоне полнотного неба.

Она летит в горы! Неужели на тот самый шабаш? Но сейчас ей

было все равно. Возможно, там она узнает что-нибудь о похищении Русланы, как говорил тот мальчишка, умеющий исчезать в воздухе, а ради этого стоит потерпеть еще несколько чудес. Ну все-таки до чего же странный паренек!

Неожиданно сундук начал снижение и вскоре заскользил над землей не более чем в полуметре. Татьяна инстинктивно поджала ноги. Бедная девушка то и дело зажмурилась, когда прямо на нее неслись голые стволы сосен, острые лапы елок и хлесткие ветви молодого орешника. Но сундук знал свое дело: он искусно огибал все препятствия, встречающиеся на пути.

Но вот он резко затормозил и вскоре замер. Татьяна медленно сползла с его деревянного бока и принялась разминать конечности, затекшие от неудобного положения во время полета.

«Да-а, — подумала Татьяна, — пожалуй, сундук — это самый неудобный вид транспорта из всего, что только можно себе вообразить. С другой стороны, как бы упростились в путешествиях проблемы с багажом, если бы люди летали на собственных сумках и чемоданах».

Развеселившись от этой мысли, девушка кинула взгляд на лес, да так и застыла: среди черных в ночной полутьме стволов деревьев рассыпались сотни, если не тысячи, голубовато-зеленых огоньков.

Это светились в темноте гнилушки — те самые трухлявые куски дерева, что после дождя испускают призрачное зеленоватое свечение.

Мало того, с каждой секундой их становилось все больше. Татьяна присмотрелась и поняла, что гнилушки образуют две неровные полосы, исчезающие далеко в лесной мгле.

Внезапно ухо девушки уловило странный легкий шорох: звук шел от земли, словно тысячи лапок ворошили сухие листья, топтали мох, перебирались через коряги и ветки.

Под ногами бежали ящерицы. Их скользкие тела, покрытые голубой шкуркой, тоже светились в темноте, и вся эта масса устремлялась вперед, сливаясь с зеленоватым свечением гнилушек в одну призрачную дорогу.

И откуда взялись в лесу эти чудные ящерицы, такое скопище?! У Татьяны не было выхода: если она не побежит сейчас вместе с ними, то просто свалится и утонет в мерзкой массе, переливающейся голубым и зеленым.

Кроме того, она была умной девушкой и понимала, что подобные явления не возникают в природе просто так, а значит, следует разобраться, чем же вызвано бегство маленьких рептилий.

Сначала ящерицы бежали по ровной местности, но вскоре дорога пошла в гору, лес неожиданно расступился, и взору Татьяны открылось еще более удивительное зрелище.

Тысячи красных крестов вспыхнули в темноте, складываясь в строго очерченный геометрический узор из тонких палочек, — они слагались в отвесную стену, казавшуюся воротами в ад.

Впрочем, Татьяна подметила, что перед самыми крестами ящерицы оббегали пылающую стену и, разделяясь на два потока, огибали страшное препятствие. Она попыталась «отгрести» влево, но ящерицы неудержимо гнали ее тело на кресты, словно в этом и состоял их коварный план.

— А-а-а-а! — отчаянно заорала девушка, понимая, что столкновение неизбежно.

Она лишь успела закрыться руками, когда ее щеки опалил сухой жар, но уже в следующую секунду несчастную девушку бросило в холод — будто тысячи ледяных иголок проникли под кожу. Затем ее посетило стойкое ощущение короткого полета — и вот, вслед за этим, спасительная, ничего не значащая чернота.

Где она, что с ней? Кромешная темень.

— Жуткой ночи, Татьяна! — вдруг поприветствовали ее над самым ухом.

Вспыхнул яркий свет, будто включился десяток прожекторов. Татьяна поморгала, привыкая, и лишь тогда огляделась.

Она оказалась посреди укромной лесной поляны, со всех сторон окруженной стволами буков и грабов. Невдалеке от нее, метрах в четырех, стоял настоящий письменный стол, причем явно из хорошей дорогой древесины, — его толстые низкие ножки наполовину зарывались в траву. За столом восседал в пухлом кожаном кресле хмурый, полноватый, нестарый еще мужчина в белоснежном костюме, резко контрастирующем с широким черным шейным платком.

По обе стороны от незнакомца стояли девушки: слева — брюнетка, а справа — рыженькая, обе с короткими одинаковыми стрижками, одетые в строгие черные платья.

Вмиг застеснявшись своей наготы, Татьяна почувствовала себя крайне неловко.

Мужчина не сводил с нее темных глаз, очевидно ожидая ответного приветствия.

— И вам ночи... жуткой, — осторожно произнесла девушка, когда молчание затянулось. И добавила смелее: — Скажите, а это вы — главный черт прикарпатский?

Как по команде девушки в черных платьях повернули головы и уставились на нее с некоторым изумлением, после чего тихонько ахнули и неодобрительно покачали головами.

Мужчина окинул Татьяну долгим задумчивым взглядом.

— Я президент чародейного сообщества, — сказал он. — Глава Братии. Или Карпатский Князь, но официально этот титул считается устаревшим из-за пропажи символов власти... Впрочем, вам об этом знать ни к чему.

— А-а... извините. — Девушка окончательно смутилась.

— Извиняю.

Повисла напряженная пауза. Казалось, президент выжидает.

И Татьяна не выдержала:

— Может, вы мне хотя бы скажете, какого черта я здесь делаю?!

Кто-то прыснул за спиной, подавляя смехок.

Татьяна молниеносно оглянулась, но никого не увидела. Это ее порядком озадачило, потому как лица главы Братии и его секретарш сохраняли полную серьезность.

Между тем мужчина сделал легкий знак рукой — из воздуха выплыло что-то блестящее, сверкнувшее зеленым огоньком. Татьяна с огромным удивлением узнала свой браслет — наследство прабабки Марьяны.

— Ваше? — осведомился президент.

Девушка обреченно кивнула.

Секретарши ахнули и покосились на Татьяну с куда большим уважением.

— Так забирайте же!

Браслет поплыл к ней, она схватила его двумя пальцами и тут же надела на запястье, пока тот снова куда-нибудь не исчез.

— Чуть выше локтя закрепите... — посоветовал президент и вдруг добавил строго: — Никогда браслет не снимайте и в чужие руки не давайте! В нем вся ваша сила фамильная, дар магический и, надо сказать, немалый. А теперь ...

Президент сложил губы трубочкой и слегка дунул перед собой: из воздуха возник пергамент и плавно опустился перед ним.

Одна из секретарш ловко подала ему огромное лохматое перо и длинную стальную иглу самого жуткого вида.

— Палец протяните, пожалуйста, — попросил президент, хищно сверкнув глазами.

— З-зачем? — ужаснулась Татьяна, покосившись на иглу с изрядной долей сомнения.

— Да вы что, кровь из пальца никогда не сдавали? — проследил за ее взглядом президент. — Давайте палец, любой.

Татьяна протянула дрожащую правую пятерню, и президент мигом уколол ее безымянный палец: кровь так и побежала веселой струйкой.

— Ой... Атас, — пролепетала девушка, норовя упасть в обморок.

Но процедура продолжилась.

— Подпишитесь. — Президент протянул кусок пергамента, почти весь заляпанный ее же, Татьяниной, кровью.

Буквы договора плясали перед глазами, но девушка смогла разобрать, что отныне, поставив подпись под этим документом, она становится полноправной ведьмой со всеми положенными ей по статусу привилегиями, а также вступает во владение фамильным даром.

«Ведьмой так ведьмой, лишь бы в живых оставили», — обреченно подумала она и мигом расписалась. В ту же минуту браслет жарким обручем сдавил руку, но сразу отпустил.

И вот чудеса: картина опять начала изменяться. Пропал дубовый стол, а вместо него запылал громадный, будто жерло вулкана, костер: он густо дымил и разбрасывал вокруг снопы искр.

Вокруг пламени стали появляться лица, много лиц. Наверное, столько полуобнаженных веселящихся людей вместе собиралось на пирах у императоров Древнего Рима, но Татьяна в жизни своей не видела такого необычного народного гулянья. У мужчин на бедрах болтались куски звериных шкур, а вот женщины почти все были абсолютно нагие — правда, у многих из них имелись дорогие украшения — ожерелья и браслеты из жемчуга, к волосам приколоты цветы из фатина, жемчуга и павлиньих перьев. В воздухе летало множество тяжелых металлических кубков, наполненных до краев приятными, судя по аромату, горячительными напитками.

У президента тоже пропала одежда, и теперь на его довольно-таки полноватых ляжках висела леопардовая шкура, украшенная поверху массивным золотым поясом в виде цепи. Но куда интереснее преобразились его секретарши: из нарядов на девушках остались только тонкие браслетки из некоего коричневатого металла.

Созерцая всеобщую наготу, Татьяна окончательно успокоилась. Одно дело, когда все одеты и лишь ты разгуливаешь голяком, но когда голыми ходят все, это получается нормально.

— Выпьем за здоровье новой ведьмы! — провозгласил президент, поймал на лету пролетающий кубок и, осушив до дна, хрястнул об землю. — Жуткой ночи, господа и дамы! Жуткой ночи, Татьяна! — обратился он непосредственно к девушке. — Завтра мы придем к вам чертика посмышленнее, а сейчас — веселитесь. Жуткой ночи всем, ура!!!

Возглас был дружно подхвачен: все пили за ее здоровье и посвящение в ведьмы — наверное, такова была в этом обществе традиция «обмывания» новоприбывших.

«Обычная корпоративная вечеринка, вот и все», — утешила себя виновница торжества и смело ухватила летающий кубок. Жидкость в нем дымилась, серебрилась и пускала разноцветные пузырьки.

«Шампанское!» — мысленно возликовала Татьяна, сделав пробный глоток. Хмель тут же вскружил голову, захотелось танцевать, петь и колдовать, хотя с последним наверняка стоило повременить.

— Чего желаете, леди? — откуда-то налетели на нее уже знакомые секретарши.

Их ноги не касались земли, девушки попросту висели в воздухе. Татьяну это не смущало: сделав еще один глоток чудесного шампанского, она тоже поднялась в воздух.

— Мы, леди, имеем честь служить вам...

• Ведьмин крест •

Как же тихо.

Будто выключили звук.

Из-за напряженного, звенящего безмолвия небо казалось ярким, отчетливым. Ни облачка, ни порыва ветра, ни единого звука. Мир замер, стал ненастоящим.

Каве переступила с ноги на ногу.

Безмятежность неба убивала. Молчание людей, собравшихся у древнего холма на каменной горе. А еще — собственный страх. Никогда не было так страшно. Или было? Едва уловимый всплеск старого, полузабытого воспоминания промелькнул в голове, но тут же исчез.

Тихо...

И вдруг — будто судорога пробежала по холму. Земля вспухла комьями, по скалистым островкам поползли трещины, посыпались каменные осколки — обнажился вековой сланец. Гневный рык сотряс горные глубины; вместе с ним затрещали стволы деревьев у подножия — некоторые со стоном валились набок, взметая листья и вздымая к небу толстые, узловатые корни.

Потянулись долгие секунды. Казалось, все кончилось и катаклизм больше не повторится. Люди, замершие на подступах к холму, понемногу зашевелились, самые смелые осторожно поползли наверх, к месту разрушения.

И тогда гора вновь ожила. Полетели вниз валуны, осыпаясь каменной крошкой, задрожала потревоженная земля, вновь застонали деревья. Птицы, поднятые с гнезд, исполошенно чертили в воздухе беспорядочные траектории, их крики слились в один тревожный гул.

Вот прорезался первый острый шип. За ним другой, третий — казалось, горный хребет решил оцетиниться частоколом копий против непрошенных гостей.

— Чудовище!!! — крикнул кто-то. — Это же чудовище!

Земля продолжала осыпаться, разлетаясь огромными пластами, вперемешку с развороченными глыбами сланца и песчаника. Остов холма все более обнажался. Солнечные лучи первыми прорвались к

тайне потревоженной горы: переливаясь радужными ручейками, перед глазами зрителей невиданного действия засверкали вперемешку золотые, черные и ярко-изумрудные чешуйки.

Раз! Словно вихрь вырвалось темное, в буро-зеленых пятнах, гигантское крыло размером с небольшое футбольное поле. Два! Посыпалась земля — и громадных крыльев стала парочка. Взмах, еще один, и еще — на людей обрушился ураган. Самые умные успели крепко обхватить уцелевшие стволы деревьев, остальных так и понесло кувырком по луговой траве.

К счастью, крылья замерли и плавно улеглись по бокам чудовища, образуя самую большую в мире походную палатку. Зато из-за кучи каменных обломков вынырнула исполинская, похожая на воздушный шар голова: на людей уставились два ярко-красных глаза, в каждом из них словно пылало по костру. Венчали морду два длинных уса под ноздрями-колодцами. Как ни странно, взгляд образины был осмысленным. Во всяком случае, чудовище с недовольством, но не без интереса озиралось.

Послышались изумленные вскрики, сверкнула одинокая вспышка: кто-то отчаянный вспомнил, что умеет колдовать. Чудовище издало рассерженный рык и повернуло в ту сторону огромную голову. И вновь короткий рык, но уже по другому поводу: по направлению к чудовищу бежала маленькая девичья фигурка. Метрах в десяти от недовольной усатой морды девушка остановилась.

Рев сотряс окрестности, и несчастная — явно сбрендившая ведьма — подалась назад и, споткнувшись о длинный обломок каменной плиты, упала на пятую точку.

— Лю-у-уди!!! Опять эти лю-уди! — простонало вдруг чудовище. — Как же вы мне надоели, люди!

Глаза девушки расширились от изумления, но по-настоящему испугаться ей не дали. Платье взметнулось подолом — чудовище подхватило ее за талию. И аккуратно, но крепко зажав между острыми, как сабли, когтями, в мгновение ока перекинуло себе на спину.

Ведьма даже не пикнула — наоборот, справившись с первым потрясением, она с любопытством разглядывала чудовище, так сказать, сверху, пользуясь недоступным для других преимуществом. На всякий случай обхватила один из шипов ногами, справедливо полагая, что так вести переговоры с явно недовольным драконом будет надежнее. И действительно, голова поднялась к ней — глаза у чудовища оказались закрытыми.

— Когда сойдутся три символа в Круге Силы, — тихо прошипел дракон, — плюнь через левое плечо три раза. И смотри, ни на кого не попади — проклянешь зазря. Поняла? Все, поговорили.

Таня едва открыла рот, чтобы попрощаться, как была скинута на землю самым бесцеремонным образом. Недолго думая она вскочила и побежала назад.

И вовремя! Чудовище протяжно заревело, сметая последние остатки векового земляного хранилища, и, сделав несколько новых ураганных взмахов, медленно поднялось над землей.

Внизу закричали, замелькали беспорядочные вспышки и взрывы — товарищество, наблюдая за удалявшейся громадиной, заметно осмелело: колдуны пустили в ход весь магический арсенал. Но было поздно: чудовище вновь взрыкнуло на прощание, не без затаенного ехидства, совершило еще один яростный взмах гигантскими крыльями и пропало меж белых облачных перин.

Глава 1

КАВЕ

В библиотечной комнате царил сонный полумрак.

С низкого сводчатого потолка свисали электрические светильники в виде кованых летучих мышей — их свет слабо освещал проходы между книжными стеллажами. На прямоугольных дощатых столах, расположенных в читальном уголке, чадили простые свечи, гроздьями облепившие подсвечники, тускло мерцали неработающие мониторы компьютеров. Тихо и спокойно было в этом месте, наполненном лишь шорохом изредка перелистываемых страниц.

Легкая тень скользила между книжными полками: каменная мозаика пола скрадывала осторожные шаги ведьмы. Эта посетительница явно не хотела быть замеченной: время от времени она оставалась, настороженно прислушиваясь.

Заскрежетали засовы — где-то открылась и тут же захлопнулась дверь. Ухнул заблудившийся филин за окном, его тень на мгновение укрыла желтый диск луны. И тут же, будто вдогонку, пролетела стая летучих мышей. Семейные часы в виде замка с трезубыми башнями по бокам, висящие над самой дверью в библиотеку, вздрогнули и деловито пробили полночь.

Наконец ведьма достигла цели своего маленького тайного путешествия. Остановившись под ярким медным бра в виде птицы, обнимающей крыльями шар, она скинула капюшон, приоткрывая молодое, очень симпатичное лицо.

Девушка вытянула шею, разглядывая кого-то, сидящего в одиночестве за одним из библиотечных столов. Скрюченная фигура этого человека почти скрывалась за огромной кипой фолиантов, сам же он был увлечен чтением старой, сильно потрепанной книжищи.

— Значит, этот урод все-таки здесь, — негромко произнесла ведьма.

— Почему ты следишь за Патриком, Каве?

От неожиданности «шпионка» подскочила на месте и резко обернулась.

Эрис! Что она здесь делает? Как узнала?! А ведь Каве так старалась незаметно выскользнуть из своей комнаты — и вот, пожалуйста... Конечно, только эта хитрюга со своей невероятной проницательностью могла выследить ее... Но до чего обидно!

Это действительно была Эрис: коротко стриженная брюнетка с узким, сердечком, лицом и удлинненными карими глазами. На вид лет двадцать — двадцать пять, но из-за худощавости и невысокого роста ведьмочке можно было дать и меньше.

— И все-таки зачем он тебе сдался? — строго повторила брюнетка, не скрывая любопытства. Однако в ее голосе проскользнула и властность старшего — скрытый приказ подчиниться.

— У меня к нему разговор, без свидетелей, — недовольным голосом ответила Каве. Девушка была повыше ростом и вообще являла собою полную противоположность Эрис: настороженные светло-зеленые глаза на красивом широком лице, тонкая длинная шея, густые золотистые волосы, собранные на затылке в хвост.

Она глубоко вздохнула, будто готовилась к прыжку — ее лицо приобрело странное, угрюмое выражение.

— Я всего лишь с ним поговорю.

— Я знаю, он любит обидеть словом, — тихо произнесла Эрис, — но я не советую тебе нападать на него, даже исподтишка. Опасный противник для...

Каве округлила глаза.

— Что?! — возмущенно фыркнув, прошипела она. — Я не собираюсь нападать на него, тем более — из-за угла. Мне просто надо поговорить с этим уродом.

— В таком случае я понаблюдаю, если ты не против. Вдруг понадобится помощь? — Эрис окинула ее оценивающим взглядом, не без скрытого лукавства.

Некоторое время Каве пытливо вглядывалась в лицо старшей ведьмы.

— Как хочешь, — наконец сдалась она. — Но попрошу тебя никому об этом не рассказывать.

— Постараюсь. — Эрис беззаботно передернула плечами. — Ну а если он разозлится? Что будешь делать? Нажалуется госпоже Каре, он же ее любимчик! Тебя накажут.

— Да хоть папе римскому, — процедила Каве. — Мне его поучения-наравоучения уже вот где. — Она провела ребром ладони по горлу. — Если сразу не пресечь, так и будет дальше измываться. Уж поверь моему опыту в недалеком прошлом. Таких гадов надо сразу давать.

— Ладно, — сдалась Эрис. — Только не перестарайся. Если вдруг разозлится — убегай. И, я тебя прошу, про меня тоже ни слова.

Каве кивнула, напоследок одарив старшую оценивающим взглядом, и решительно направилась к парню, одновременно скидывая

капошон длинного белого платья. В темноте такое одеяние запросто можно было принять за силуэт призрака, и человек неосведомленный мог получить разрыв сердца от подобного зрелища.

Но наш герой навряд ли испугался бы обычного ведьмовского наряда. Заслышав шаги, парень тут же развернулся, скрипнув стулом, будто ждал. Завидев гостью, он осклабился: грозное выражение лица девушки позабавило его.

— Чем обязан, Каве? Пришла сообщить, что наконец-то уезжаешь?

— Ты лазил у меня в комнате, гад, копался в моих вещах! — не скрывая возмущения, прошипела девушка. — Даже не смей увиливать! Я уверена, это был ты!

Каве сердито поджала губы, всем своим видом выражая презрение к собеседнику.

Патрик выпрямился на стуле, окинув девушку надменным взглядом. Если бы он поднялся на ноги, то явно бы оказался ниже, поэтому предпочел сидеть и дальше. Его глаза — голубые и вечно прищуренные, потемнели и стали похожи на маленькие злые буравчики.

— Ты был в моей комнате? — с нажимом повторила девушка. — Или страшно даже признаться, а?

Парень скривился.

— Ну был, и что? — Короткий смешок. — Нажалуешься Каре, ведьма? Я сумею оправдаться, как ты понимаешь.

Девушка глубоко вздохнула, успокаивая заколотившееся сердце, но неприязнь к Патрику победила. Взгляд ее стал колючим и отстраненным, скулы на чуть побледневшем лице напряглись.

— Если ты, придурок, будешь и дальше копать в моих вещах... — угрожающе начала она, но Патрик ее перебил:

— Да, я был в твоей камере. Проверил, не украла ли ты чего из нашего дома. И, — он победно усмехнулся, — нашел кое-что!

Не скрывая торжества, Патрик вытащил из-за стопки книг небольшой, размером с ладонь, кинжал в ножнах и медленно извлек его. Блеснуло узкое лезвие с тонкой золотой гравировкой. По виду кинжал напоминал обычный, каких полно в сувенирных лавках. Ножны, как и лезвие, были украшены золотой гравировкой на серебряном фоне: извивающееся тело ящерицы, кусающей себя за хвост.

Глаза у девушки расширились от изумления.

— Вор! — выдохнула она.

Патрик зло сощурился.

— Это я вор?! — со свистом прошипел он. — Это ты! Ты украла нашу фамильную ценность! Из семейного тайника! Кара, когда узнает, выгонит тебя в три шеи! Клянусь, завтра будет счастливый и солнечный день. Я уверен, тебя накажут. — Колдун чуть не вылетел от восторга. — Она не простит тебе этого!

— Дурак. — Девушка не скрывала пренебрежения. — Ну и дурак же ты, Патрик.

Парень запнулся. Надменно вскинул голову, прищурился.

— Я знаю, что ты собралась бежать. И госпожа Кара об этом узнает. Ты собрала свой сундук в дорогу!

— В дорогу, — машинально повторила девушка. — Ну да. — В ее глазах заплясали гневные искорки. — Это мой кинжал. Госпожа Кара подарила мне его. Как говорится, за успехи в труде и учебе. И собрать сундук она же мне и велела.

Из-за книжного шкафа послышалось приглушенное фырканье.

Парень бросил косой взгляд в ту сторону и вдруг шагнул к Каве.

— Ты врешь, вор... — Договорить он не успел: резкий удар коленом в живот заставил его скрючиться.

Впрочем, Патрик тут же выпрямился и произнес глухим, изменившимся голосом:

— Ка-а-ве Лиз-зард... — Гулкое эхо прокатилось по залу.

Ого, Патрик серьезно обиделся — решил направить на нее заклинание.

Не теряя ни секунды, девушка резко взмахнула руками и тут же исчезла из виду.

Ших-ших-ших! — Ящерка быстро заскользила по каменным мозаичным плиткам. Тут же сверху раздалось злорадное карканье: черный ворон закружил над беглянкой, норовя вцепиться в маленькое буро-зеленое тельце. Но ему не повезло: ящерка скрылась под одним из стеллажей. Ворон опустил рядом и пригнул шею, кося желтоватым глазом, но тут же отскочил назад: в него полыхнула зеленая струя огня. Под стеллажом радостно пискнули. Послышался слабый шорох и вскоре затих вдали.

Вернув себе прежний облик, Патрик не стал преследовать беглянку. Он мстительно скривился, бормоча не очень приличные вещи про девушку и ее семью, погрозил кулаком. А после, словно устыдившись, вновь сел за стол и раздраженно придвинул к себе книгу.

Но и на этот раз ему помешали: еще один человек вынырнул из прохода между стеллажами и направился к нему. Визитер был одет в простую одежду волшебника — темную мантию с широкими рукавами и низко надвинутым на лицо капюшоном. Впрочем, из-под полы мантии выглядывали синие джинсы и кроссовки.

Патрик вновь подскочил.

— Что ты здесь делаешь, Рик Стригой? — неприязненно спросил он, мгновенно узнавая пришедшего. — Чем обязан?

Человек не ответил. Неспешно скинул капюшон, открыв бледное лицо с острым подбородком и резким очерком скул. Скучающе огляделся, остановил ничего не выражающий взгляд серых глаз на книгах, разложенных на столе.

— Все ищешь тайные знания, Пат? Смотри, не перетруди голову...

— Тебе-то что, Стригой? — тут же ошетинился Патрик. Судя по выражению его лица, он явно побаивался собеседника.

— Хочу помочь советом. — Зрачки глаз Стригоя расширились и блеснули серебром. — Хорошо, что ты тяготеешь к знаниям, дорогой Патрик, но без практики все эти тома великих заклинаний прошлого, настоящего и будущего — ничто. Вряд ли ты постигнешь тонкости магической науки, лишь зарывая свой длинный любопытный нос в книги. Ты бы лучше размялся на природе, хоть бы за ворота вышел. Или тетушка не пускает мальчика одного?

Взгляд Патрика потемнел.

— Тебе ли говорить о практике? — произнес он. — Все знают, какие магические практики предпочитают у вас в семье. Проклятые румыны! Сколько загубленных душ на твоём личном счету? Перед тем как ты стал добрым и послушным мальчиком... Ты убивал, чтобы питаться чужой магией. Вы, стриженные, — он вложил в это странное прозвище как можно больше презрения, — никогда не сможете быть такими, как люди. Вы — отбросы, паразиты! И ты — не человек! Ты всего лишь притворяешься человеком, мерзкий стриженный!

Патрик совершенно преобразился: глаза его расширились от бешенства, скулы дергались, подбородок заметно дрожал. Он выплевывал каждое слово с непонятым наслаждением, будто копил эти фразы долгое время и наконец-то они прорвались яростной лавиной.

Несмотря на оскорбления, Рик Стригой ничуть не рассердился. Наоборот, на его тонких, бледных в полутьме губах заиграла насмешливая улыбка.

— Моя семья слышит подобные вещи от таких идиотов, как ты, уже много лет. Неужели ты думал уязвить меня подобной банальщиной, дорогой Пат? Напряги мозг, придумай что-нибудь поизощреннее, позаковыристее. Ну, давай, что же ты? Только не зли меня сильно... Я ведь не человек, а так — полудух, существо без моральных принципов. Могу напасть и оторвать твою пустую голову вместе со всей ее магией. Только много ли достанется магической силы от такого приобретения?

Патрик мгновенно сник. Но взгляд его беспокойно засновал по фигуре собеседника.

— Запомни, друг, — холодно продолжил Рик Стригой, — мне не нравится, что ты пристаешь к этой девушке, Каве. Прекрати вести себя как последний идиот или пожалеешь.

— Неужели ты нападешь на меня? Или ты только ищешь предлог, чтобы заняться старыми делами? — Несмотря на бравурный тон, Патрик чуть ли не затрясся.

Рик Стригой хищно улыбнулся.

— Дразнишь, Патрик? — тихо произнес он. — Я давно не пробовал чужой магической силы на вкус, но могу вспомнить прошлое... Такое мягкое, дурманящее чувство. Всего лишь небольшой надрез, маленькая ранка. — Рик сделал движение пальцами, будто стриг воздух. — И чужая магия послушно переходит в мое энергетическое поле... Пьянящее, невероятное ощущение... дарящее удивительное наслаждение. Чувствуешь себя наделенным мощью, властью... Когда забираешь силу, всю, без остатка, кажется, будто способен покорить целый мир. Настолько ты переполнен силой.

Патрик надменно вскинул голову и усмехнулся. Но руки у него при этом задрожали еще сильнее.

— Ты не посмеешь напасть на меня в доме госпожи Кары! Если бы не ее защита, тебя бы давно сожгли... Как и всех полудухов, притворяющихся людьми. Притворяющихся магами! Живущих за чужой счет!

Стригой усмехнулся. Медленно шагнул к столу. Патрик не выдержал и чуть отодвинулся. Неожиданно Рик точным и резким движением схватил кинжал в серебряно-золотых ножнах, прикрытый книгой.

Патрик уронил челюсть. Кажется, у бедняги пропал дар речи.

— Отдай сейчас же! — Его голос прозвучал растерянно. — Это мое!

— Это не твое, — возразил проворный полудух. — Я сам отдам его хозяйке.

— Не вмешивайся не в свое дело! — прошипел Патрик. — Я должен вернуть кинжал госпоже Каре. Девчонка его украла!

На Рика эти слова не произвели ни малейшего впечатления.

— Ты закончил? — холодно спросил он. — А теперь я преподнесу тебе несколько полезных знаний. Итак, первое: к мисс Каве больше не приставать. Считаю, она под моим покровительством. — На его лице появилась усмешка, больше похожая на хищный оскал, и тут же исчезла. — Теперь насчет оскорблений. Запомни, дорогой Пат: еще раз позволишь себе оскорбить меня или любого полудуха в моем присутствии — ты мертв. До этого момента тебя спасало то, что я тебя не предупредил. Но теперь ты в курсе.

Патрик шумно вздохнул, словно ему не хватало воздуха, но промолчал.

— Тем более, — вкрадчиво добавил Рик, — нам теперь придется часто видеться.

Окинув напоследок поникшего Патрика долгим многообещающим взглядом, Рик крутнулся на месте и тут же истаял серой дымкой. Полудухи, в отличие от людей, могли исчезать только таким образом — рассеиваясь на миг и вновь возникая уже в другом месте с тем же «дымным» эффектом.

Убедившись, что Рик Стригой исчез, Патрик беспокойно огля-

дел стопку книг, быстро извлек одну из них, похожую на маленький блокнот в черном кожаном переплете, и тут же спрятал за пазуху. Вновь подозрительно оглядевшись, Патрик неторопливым шагом направился к двери.

До того как добраться до своей комнаты и заснуть, ему было над чем подумать.

К большому неудовольствию Каве, уже в коридоре вернувшей себе человеческий облик, Эрис последовала за ней в комнату. Ну что ж, будем надеяться, что ненадолго.

— С ума сойти, ты его ударила! — Остренькое лицо Эрис выражало искреннее восхищение. — Пожалуй, это непременно пойдет Патрику на пользу.

— Если бы! — Каве, раздосадованная тем, что не смогла забрать подарок госпожи Кары, совершенно не разделяла восторгов Эрис.

Но та, казалось, не замечала ее плохого настроения.

— Прямо в пах! Невероятно! — не унималась она. — Он никогда не простит!

— Не в пах, а в живот, — машинально поправила Каве.

— Какая разница! Даже я не смогла бы ударить Патрика! — В глазах Эрис плясали восторженные огоньки. — Не простит, не простит тебе этого никогда! — Девушка посмотрела на Каве чуть ли не с восхищением.

— Мне просто повезло, — терпеливо произнесла светловолосая ведьма, с трудом скрывая раздражение. Похоже, Эрис никуда не топчется.

— Не бойся, я никому не расскажу о случившемся в библиотеке. — Темноволосая ведьмочка заговорщицки подмигнула, по-своему истолковав плохое настроение Каве. — А с Патриком я поговорю по душам, чтобы не приставал к тебе больше.

— Я сама с ним разберусь, — пробормотала Каве, бросая недвусмысленный взгляд на часы. Подумав, она добавила демонстративный зевок.

Конечно, ей была приятна симпатия Эрис, одной из старших ведьм семьи, но хотелось поскорее выпроводить ее из комнаты. Не надо больше «верных подружек». «Хватит, — подумала Каве, — надружилась в свое время».

Эрис заинтересованно прищурилась. Кажется, от нее не укрылись ужимки светловолосой, но она решила не подавать виду.

— Ты раздражаешь его, потому что он завидует тебе, — сказала она, загадочно ухмыльнувшись.

И Каве попала на крючок.

— Завидует? Мне?! — изумилась она. — Да если бы! Ты знаешь, что он бормочет, едва завидев меня? Kave from reserve of fairy tales —

Каве из заповедника сказок. Он знает, что раньше я жила недалеко от Карпатских гор. Видать, Карпаты для него заповедник не пугающих им лично волшебниц.

— Сестричка Каве, ты просто плохо его знаешь. — Эрис беспечно махнула рукой. — Он же никогда не был в горах! Это его мечта — очутиться среди древних и диких лесов, ощутить силу истинной и многоликой магической природы. Почувствовать стихию, испытать собственный дар... Все знают, что он хочет стать великим волшебником. А согласишься, это тяжело, когда сидишь взаперти в четырех стенах у любимой тетушки. А ты в этих благословенных краях родилась и выросла, вот он и злится. Он вообще странный человек, этот Патрик. Со своими принципами. Понимаешь, он из тех зазнаек, которые считают, что искусству родового волшебства должны обучаться только истинные англичане. Если честно, госпожа Кара и сама в этих вопросах довольно придирчива... И вдруг появляешься ты — не то что не англичанка, даже по-английски толком не говоришь! У тебя такой смешной акцент... извини. — Эрис шутливо прикрыла рот рукой. Но долго молчать она не могла и вскоре продолжила: — И тетя, наша милая, но строгая тетя тут же вводит тебя в старший круг семьи, оставляет жить в доме. Мало того, относится к тебе с большим почтением, да еще кинжал подарила! Не простой кинжал, а из фамильных реликвий. Поверь мне, парень тебя съест.

— Да пусть этот Патрик делает, что хочет, — отмахнулась Каве. — А вот кинжал ему придется вернуть. Если сам не отдаст, госпожа Кара заставит. Это особый подарок. Она сказала, что я узнаю о его назначении позже, когда придет время.

Эрис невольно скосила глаза.

— Кинжал выглядел как ритуальный, — тут же встрепенулась она. — То есть предназначенный для особого действия. А чеканка наша... Насколько я знаю, тетя не разбрасывается столь ценными магическими подарками. Интересно, почему она подарила его тебе, не рассказав о назначении?

— Без понятия. — Каве пожалала плечами. — Хотя, возможно, это намек, как избавиться от придирчивого племянника.

Эрис прыснула.

— Ты что?! Патрик — ее любимчик. Такой талантливый, способный мальчик... Сто раз от нее слышала. Кстати, — тут девушка хитро прищурилась, — его избраннице очень повезет. Она войдет в семью госпожи Кары на законных основаниях. Это великая честь. А так как госпожа Кара странным образом благоволит к тебе...

Каве закатила глаза к потолку.

— Ты на меня намекаешь? — без обиняков бросила она, отвернувшись к часам. Ого, почти два часа ночи! Ее гостя что, совершенно не хочет спать?! — Патрик вызывает у меня полное неприятие, — продолжила Каве, вновь встретившись взглядом с Эрис, явно ожи-

давшей продолжения разговора о заносчивом молодом колдуне. — Надменный, чванливый выскочка. Думаю, у него ко мне схожие чувства.

Эрис не сводила с нее придирчивого взгляда.

— Да, мы пару раз целовались, — не выдержала Каве. — И это было большой ошибкой. Мне хотелось забыть... ну, то есть просто хотелось романтики. Признаю, не стоило этого делать. Он обиделся и теперь достает меня. Все правильно.

— Ты знаешь, — заметила Эрис, — у Патрика была девушка, француженка. Конечно, истинная, прирожденная ведьма из высшего магического общества. — Ее острое личико стало необычайно серьезным. — Они встречались в столице, во время учебы в Лондонской Чародемии — высшем заведении для особо одаренных магов. И вдруг — Патрик возвращается домой, к тете. После этого госпожа Кара сказала всем, что девушка Патрика умерла, поэтому он решил бросить высшее интеллектуальное волшебство и вновь обратиться к семейному чародейству. Мы думаем, что его девушка просто сбежала от него, француженки такие непостоянные! Впрочем, никто не знает подробностей: когда дело касается его лично — Патрик немногословен. Но он так переживал... С тех пор он ни с кем не встречается. Хотя на вид парень очень даже ничего... Ты только взгляни: голубые глаза, темные волосы, чуть кудрявые — красавец. И вдруг появляешься ты и... очаровываешь его. — Эрис замолчала.

— Я же сказала — ошиблась! Красота — далеко не главное...

— Не кипятись, — успокаивающе произнесла Эрис. — Просто мы все удивились. Даже госпожа Кара, я думаю, была озадачена. Вы странным образом подходите друг другу, да...

Каве, собравшись возразить, вдруг запнулась.

— Погоди, а может, он тебе самой нравится? — изумленно спросила она.

— Конечно нет. — Эрис насупилась, отчего ее личико еще больше заострилось. — Но... — Она оценивающе взглянула на Каве, словно желая измерить степень своей откровенности. — Я многим обязана Каре... И хотела бы войти в семью. Понимаешь, у нас так принято — изучать магическое искусство в кругу семьи. Конечно, я живу в доме у госпожи Кары. Но не принадлежу к ее ближайшему родственному кругу. Она никогда не обучит меня всем секретам фамильного чародейства. А вот если бы она захотела, то Патрик — как единственный ее племянник, был бы лучшим вариантом...

— Ты говоришь страшные вещи, Эрис! — Каве потрясенно покачала головой. — Нельзя же полюбить просто так — кого прикажут. Ведь тебе придется прожить с ним всю жизнь! С таким уродом.

— Кто знает, сколько каждому отмерено, — махнула рукой Эрис. — И что такое любовь по сравнению с магией? Я хочу стать настоящей волшебницей, профессионалом. Изучить глубинные

основы волшебства, боевые техники, способы перемещений, вещественные заклятия... Вот что для меня важно. Вот что в жизни главное.

Каве прищурилась: что-то темноволосая ведьмочка разговори-лась сегодня. Кажется, Эрис тоже так подумала.

— В любом случае нам ведь отлично живется в этом доме, правда? — беспечно произнесла она. — У каждого есть своя комната, нас хорошо кормят и одевают. Дают знания. Госпожа Кара выделяет и тебя и меня. И Патрика. У нас впереди светлое будущее. Разве плохо?

И Эрис, будто бы опровергая собственные же слова, недовольно покачала головой.

Каве вновь закатила глаза.

— Если бы не этот зануда, — сказала она, — а еще ваш ужасный мятный соус, моя жизнь у Кары была бы превосходной! Я тебе честно скажу: последнюю пару лет, до моего появления у вас, я жила очень беспокойно... И горы скорее ненавижу, чем люблю. У нас там действительно заповедник. Р-редких и мерзких ж-животных. — Девушка мстительно скривилась. Светло-зеленые глаза полыхнули злыми изумрудными огнями.

На лице Эрис появилось какое-то странное, полурассеянное выражение.

— Госпожа Кара запретила расспрашивать тебя о прошлой жизни.

— А мне — запретила рассказывать.

Некоторое время девушки обменивались пристальными, изучающими взглядами.

— Ладно, — первой сдалась Эрис. Она сладко зевнула и потянулась. — Я пойду к себе, спать хочу. До завтра! Вернее, до завтрака, состоящего, как всегда, из яичницы, помидоров и сосисок под мятным соусом. — Она хихикнула. — Спокойной ночи, Kave from reserve of fairy tales!

Светловолосая усмехнулась и шутливо погрозила ей кулаком.

Лишь только закрылась дверь, Каве с размаху плюхнулась на кровать — узкую, но мягкую, с высокой кованой спинкой.

Наконец-то Эрис ушла! С первых дней, как Татьяна-Каве поселилась у госпожи Кары, темноволосая ведьмочка стала набиваться к ней в подружки. В принципе эта невысокая англичанка со смешливыми миндалевидными глазами была бы приятной компанией. Но Таня твердо для себя решила: ни с кем не сблизиться, во всяком случае, пока. Не болтать. Ничего не рассказывать. Тогда и возможности предать ни у кого не будет.

Невольно вздохнув, она потянулась за книгой, — благо шкаф располагался неподалеку.

Комната Татьяны была небольшой, но выглядела уютно: кроме

кровати здесь имелся комод, письменный стол со стулом и книжный шкаф. Пожалуй, только последний представлял некоторую ценность: на четырех его полках стояли книги, написанные вручную руническим трехстрочьем. Оказывается, заклинания, напечатанные в типографии, отсканированные или скопированные иным механическим способом, не имели явной магической силы. Поэтому все заклятия тщательно переписывались в большие толстые книги специально обученными писцами-волшебниками.

Рунопись никак не желала покоряться Татьяне даже на просторах английской земли. Девушка продолжала корпеть над неподатливыми строчками, но проклятые заклинания не хотели становиться ее сильной стороной. Худо-бедно она научилась составлять несложные заклинания, однако на семейных уроках предпочитала пользоваться готовыми, из учебников.

Зато карпатская ведьмочка поднаторела в магических импровизациях, то бишь иллюзиях. Тут ей не было равных: даже вечно напыщенный Патрик, чертов выскочка и подхалим, суживал глаза, когда светловолосая ведьма с помощью браслета творила очередное наваждение.

Лучшей из последних Таниных иллюзий можно было назвать превращение их трехэтажного дома в громадного пучеглазого дракона. Причем узор на его крыльях соответствовал кованому орнаменту на воротах, а медная корона на голове явно произошла от фонтанной статуи ангела в центре сада. Иллюзия вызвала бурный восторг среди всех членов семьи и даже бледную улыбку у самой госпожи Кары. Именно в этот день Таня получила в подарок пресловутый кинжал.

Но любимым искусством Тани оставалась магия мертвого огня — луньфаер. Демонов пламени вызывать строжайше запрещалось во избежание серьезных неприятностей, а вот мертвый огонь разрешалось использовать на всю катушку. Секрет магии луньфаер состоял во вращении вокруг себя разных мелких предметов, которые после поджигались и метались в стороны с разной силой. Природная гибкость и координация помогли Тане быстро освоить эту технику. Сначала листочки и перья, а после небольшие камешки и даже маленькие предметы — чайные ложки, кольца, дротики, — летали вокруг нее волнами, спиралями или кольцами. Три месяца ушло на то, чтобы научиться руническому заклинанию мгновенной вспышки. Зато после Таня наловчилась раскручивать и метать огоньки луньфаер на дальние расстояния или по специальным мишеням. Искусство луньфаер походило на красочное цирковое представление, только использовалось среди магов отнюдь не для мирных целей. Луньфаерские огни поражали противника с высокой точностью: даже с короткого расстояния могли насквозь пробить человеческое тело. А если использовать в качестве возгорающихся

предметов кусочки железа, стали или серебра, то можно поразить даже бестелесного духа!

Так и вышло, что вращение огней луньфаер стало для Тани ежедневным любимым развлечением. Заметив ее успехи, госпожа Кара самолично показала несколько особых трюков. И даже призналась, что сама не раз использовала луньфаер в ближнем бою с нечистыми силами... В молодости.

Таня вспомнила, как впервые оказалась в маленьком английском городке, где жила госпожа Кара со своим немногочисленным колдовским семейством. Черный клубок с золотым наконечником привел ее прямо к высокому особняку, стены которого заросли красивым зеленым плющом настолько, что почти скрывали оконные стекла. Дом был окружен непроницаемой каменной оградой, ощетилившейся поверху острыми железными пиками.

Особняк был трехэтажный, причем первый этаж, цокольный, был полностью отведен под библиотеку, в которой хранилось невероятное количество книг: и магические (написанные вручную), и обычные — преимущественно классическая литература на всех языках. Впоследствии она разыскала несколько удивительных книг: обычные тексты переписывались на руническом трехстрочье. При особом чтении человек мог воочию увидеть действие, разворачивающееся на страницах как настоящее кино. Для этого даже имелся специальный зал, но среди остальных учеников он не пользовался популярностью. Это для Тани было диковинкой — видеть кино, выуженное из ее же мыслечувствующей ленты. Пожалуй, некоторые режиссеры отдали бы все, что имеют, за такой вот «кинозал».

Сама госпожа Кара оказалась интересной особой. Худая, подтянутая старушка в черной мантии, с гладкими, прядка к прядке, седыми волосами, всегда уложенными в высокую прическу, — она являла образец утонченной английской леди преклонных лет. С первых минут пребывания в ее доме Татьяна поняла, что имеет дело с настоящей волшебницей. Оказалось, что госпожа Кара владеет небольшой частной школой: в доме проживало около двух десятков приходящих и уходящих колдунов всех мастей и национальностей, но на занятиях Таня видела лишь семерых — основной круг семьи. Каждый ученик имел отдельную небольшую комнатку, а ванна и туалет на этаже были общими. Вне зависимости от семейного статуса и успехов в учебе ученик имел свой круг обязанностей и свои часы уроков с «тетей». Остальное время отводилось для самостоятельных занятий в библиотеке, для отдыха или работы в саду.

Таню представили остальным как мисс Каве, дальнюю родственницу госпожи Кары, славянскую ведьму... Конечно, вся семья была заинтригована появлением «неангличанки», но вскоре к милой, но неразговорчивой Каве привыкли, и жизнь в английском доме потекла своим чередом.

Неожиданно мысли Татьяны, словно стайка всполошенных летучих мышей, понеслись к родному краю: а Лешка с первого дня их знакомства называл ее леди... как сглазил! Интересно, увидит ли она этого карпатского колдуна хотя бы раз? Но как бы этот раз не был для нее последним...

Прошел год, и Таня потихоньку начала забывать смешливого Лешку. Госпожа Кара, будто чувствуя неладное, загружала ее знаниями настолько, что у девушки не оставалось времени ни на личные дела, ни на воспоминания. Правда, был еще Патрик... Таня досадливо поморщилась. После встреч с ним она стала думать о Лешке еще больше. Конечно, он это почувствовал и... возненавидел? Нет, просто отношения между ними стали натянутыми.

Зато ведьмовская наука нравилась Татьяне все больше, раскрывая перед ней новые силы, предлагая новые возможности... Многие вещи стали хорошо получаться. Ультрапрыжки на огромные расстояния, ориентировка по дорожным клубкам и, конечно, иллюзии.

Обретать силу — всегда хорошо. А быть сильной ведьмой — еще лучше.

Творение иллюзий превратилось для Тани в самую любимую часть магической науки. Вначале «разбить» мыслью объект, а после воссоздать его заново. Собирать иллюзорные чары — это как рисовать красками на чистом листе ватмана или складывать узор из тысячи пестрых пазлов. Вначале, повинуясь хитрому заклятию, сгущается пространство — бесформенная масса пока еще несуществующей части призрачного, нереального мира. А после волшебник начинает творить наваждение, пользуясь лишь мыслью и силой. Девушка с легкостью освоила «иллюзии неодушевленных вещей» — например, заставляла хрустальную вазу изображать собачью будку. А вот с живыми существами оказалось непросто: попробуй сотворить из скачущего зайца плетеную корзинку, когда он, заяц, постоянно скачет!

Таня вспомнила свой первый опыт — корзинку, бегущую на серых мохнатых лапках, — и захихикала. Собственный смех рассыпался неприятным, дребезжащим эхом, словно был неуместным в торжественной тишине глубокой ночи.

Ведьма глянула в окно и ахнула: ведь сегодня же полнолуние! Значит, опять выспаться не удастся...

Глава 2

ПРОКЛЯТИЕ

Легкие тени скользили между деревьями, змеились по серой земле тонкие полосы тумана — сумерки сгущались над тихим, дремлющим лесом. Ни шороха, ни хруста сухой ветки, ни крика глумли-

вой птицы — лишь только замершая в ожидании бед и тревог, свернувшаяся калачиком на дне темных оврагов густая тишина.

Пылала в небе ухмыляющаяся луна, пытаясь пробраться сквозь лабиринт извилистых древесных крон и разгадать секрет таинственного лесного безмолвия, но даже она, повелительница ночи, терпела неудачу.

Красивая светловолосая девушка брела по узкой тропинке. Тонкий силуэт в простом длинном платье освещался ярким светом от горящих во тьме золотистых зубцов короны на ее голове. Особенно выделялось лицо, нежное и грустное, — казалось, это призрак одной из королев прошлого поднялся из небытийного мрака, чтобы тревожить и страшить души заблудившихся путников.

Да, это началось в первое же полнолуние. Золотой Венец древних карпатских князей, сверкающий изумрудами, вдруг появился на голове у Татьяны. И был призрачный Венец очень, очень тяжелый — словно мстил Татьяне за то, что когда-то она водрузила его на мраморную статую с огромной пальмовой ветвью на крыше оперного театра самого красивого карпатского городка. Обод короны сдавливал голову, будто стремился указать на ту крепкую, неразрывную связь, установившуюся с его новой хранительницей. Снять Венец оказалось невозможно — ни силой, ни волшебством. Поэтому, как сообщила госпожа Кара, теперь это ее, Танино проклятие — носить чертову корону, пока не передаст ее дальше, по праву хранения, кому-то другому. А пока что молодой ведьме придется помучиться — каждое полнолуние Венец будет появляться на ее голове и исчезать лишь с первыми проблесками утра.

Но были и хорошие новости: вместе с проклятием Татьяна получила в награду новое имя — Каве. Ведьма, прошедшая магическое испытание, имеет право носить полноправное волшебное имя. Тот факт, что Татьяна-Каве смогла уберечь Карпатский Венец и стала его ведьмой-хранительницей, и был испытанием. Новое имя защищало девушку от множества неприятностей, подстерегающих молодых ведьм и колдунов в чародейском мире. Например, давало защиту от бестелесных духов, охотящихся на волшебников в поисках магической силы. А Татьянина ведьминская сила, благодаря новым знаниям и, конечно, прабабкиному подарку — браслету в виде ящерицы, росла с каждым днем. Да и Венец каждое полнолуние отдавал часть своего могущества. Вот почему ей следовало опасаться не только людей, стремящихся завладеть ее браслетом и Венцом. Главными врагами любого полноправного волшебника становились духи, охотящиеся на колдунов и ведьм и выпивающие их магическую силу без остатка, вместе с жизнью. После такой встречи с духом человек либо сам становился полудухом и постепенно превращался в бестелесного призрака, либо умирал.

«Чем сильнее твои враги, тем сильнее ты сама», — наставляла

госпожа Кара, когда золотой обод короны вновь крепко сжимал голову Татьяны. Но эта умная и, без сомнения, высокодуховная мысль не утешала девушку, когда вместо сладкого сна ей предстояло дрожать от холода и шататься меж деревьев на радость духам и прочей нечисти.

«Чтоб они все провалились, — угрюмо думала Татьяна, бесцельно блуждая по ночному лесу. — И цивиллы, и дикие, и их президенты вместе со своими любовницами и телохранителями».

Именно Мстислав Вордак, президент цивиллов, и Лютогор Мариус, предводитель диких колдунов, были главными врагами ведьмы Татьяны. Именно от них она спрятала Карпатский Венец на голове статуи, а теперь бродила меж деревьев как самый настоящий призрак.

А все потому, что на открытом воздухе Венец будто бы легчал: давление золотого обруча на голову уменьшалось и дышать становилось свободнее. И даже браслет, при появлении Венца начинающий жечь руку не хуже раскаленного железа, неожиданно успокаивался во время одиночных ночных прогулок.

Поэтому каждое полнолуние Татьяна с Венцом на челе тайком вылетала из дома: госпожа Кара заботилась о том, чтобы ее никто не видел. Выпивая порцию особого, специально предназначенного для поездки вина, Татьяна брала свой личный черный клубок и отправлялась в безопасный темный лес, охраняемый добрыми лесными духами, находящимися в услужении у госпожи Кары.

Но сегодня прогулка затянулась. Тишина успокаивала, и Таня брела все дальше и дальше, пока не поняла, что зашла в неизвестную часть леса. А все из-за того, что не следовала за черным клубком и самовольно сворачивала то вправо, то влево, — куда-нибудь, только чтобы не ощущать ужасной короны, вдобавок ко всему оживляющей неприятные воспоминания.

Заблудилась.

Впрочем, Татьяну это обстоятельство не испугало. В конце концов, у нее есть дорожный клубок, да и до утра еще далеко. Поэтому ведьмочка все шла и шла, пытаясь отвлечься от мыслей, тревоживших ее всякий раз, когда на голове появлялся Карпатский Венец: о бывших друзьях и врагах, о странной прабабке Марьяне, подарившей далекой родственнице свой волшебный сундук и тем самым впутавшей девушку в целую сеть неприятностей... И о госпоже Каре, взявшей на себя заботу о бывшей Татьяне, правнучке знаменитой карпатской ведьмы, получившей новое волшебное имя — Каве.

Вот тогда Каве и встретила настоящего духа — повелителя планетиков.

Таня словно очутилась в страшном сне. Нарушая благостную тишину ночи, черные стволы деревьев ожили: затрещали, застонали,

зашептались. Между ними медленно и картинно проступали зыбкие, расплывчатые силуэты девушек. Их волосы развевались, как от порывов сильного ветра, а руки тянулись к ней, Тане, стоявшей посреди поляны и выглядевшей так нелепо в простом белом платье и дивной, отливающей золотом короне на голове.

Приглядевшись внимательнее, Таня с ужасом распознала характерные признаки диких лесных духов: девушки были без одежды, их тела просвечивали настолько, что были видны переплетения внутренних органов...

Мары!

В сознании, в мыслечувствующей ленте, услужливо раскрылась ВЭД — Великая энциклопедия духов из семейной библиотеки госпожи Кары:

«Мары — смертоносные злые духи. Само имя лесных русалок образовано от слова «примара» — призрак. Они бестелесны, не отражаются в воде, не отбрасывают тени. Питаются кровью колдунов — через нее и черпают магическую силу. Очень опасны».

Таня, чтобы успокоиться, глубоко втянула носом воздух. Неужели она зашла так далеко?!

— Вы чувствуете, как она хорошо па-а-ахнет?! — неожиданно звывла одна из лесных мар. — Много вкусной плоти! Мно-о-ого! Нужной волшебной си-и-илы... — Ее хриплый голос перешел в дикий визг.

— Я, я, я... — коротко и прерывисто зашептала другая призрачная дева, одновременно подкрадываясь ближе к перепуганной насмерть Татьяне. — Я хочу выпить ее кровь. Я возьму ее силу и... вновь стану человеком!

— Прочь, упыриха! — ошетилилась другая мара. — Я первая почувствовала ее запах...

— Нет, я! Я первая увидела золотой блеск... Пока вы все купались в озере, я уже начала охоту!

— Ты плавала среди кувшинок, обманщица!

— Жрала лягушек!

— Я, я почувствовала запах магии, я!

Призрачные девы загалдели, перебивая друг друга. Таня пробовала сотворить иллюзию, стараясь не отвлекаться на бьющиеся комки сердец, заключенные в полупрозрачные оболочки девичьих тел — уж слишком страшным было зрелище! Но самое обидное — нагретый браслет чуть ли не сжигал руку, не давая возможности сотворить хоть какие-нибудь обманчивые чары — лучшее средство защиты от духов. Всего-то дел — внушить проголодавшемуся марам, что перед ними не человек, а, скажем, дракон. И для порядка пыхнуть черным огнем из обеих ноздрей. К сожалению, поддать жару призрачным бабам Татьяна не могла: любимый луньфаер требовал

сил, а пока что вся внутренняя энергия уходила на поддержание проклятого Венца.

— Моя добыча! — раздался вдруг резкий окрик.

Вперед выступила одна из мар. Ее волосы отсвечивали огнем, и Тане на миг почудилось, что перед ней старая знакомая — Криста Соболев, вредная рыжеволосая ведьма. Тот же злобный, полный пресходства взгляд, разве что у этой череп через кожу просвечивает...

— Моя, — повторила девушка-призрак, и остальные отступили.

Таня тоже сделала пару шагов назад, пока не уперлась спиной в дерево.

Выхода не было. Она едва ли успеет пробежать хотя бы пару метров, когда полупрозрачная тварь ее настигнет.

Страшная мара приближалась, и Татьяна, преодолевая боль и жжение, вновь коснулась рукой браслета, в надежде стянуть его и взять-таки призрачную бабу в кольцо иллюзии.

— Не трогай ее, Чивер.

Таня мгновенно обернулась: ее взгляд выхватил из-за деревьев новый силуэт — темную фигуру мужчины, обернутую в широкий длинный плащ. Человек? Волшебник? Здесь?! Возможно, это был призрак, но хотя бы одетый — а значит, более цивилизованный, чем все эти селетки.

— Коронованная ведьма зачарована. Я давно слежу за ней. — Мужчина шагнул на освещенную лунным светом поляну, и стало ясно, что он весьма молод — лет двадцать пять — тридцать.

— Не переживай, милый, — кокетливо произнесла мара, которая хотела выпить кровь Татьяны. — Мы и с тобой поделимся, а? — В ее голосе явственно проступила мольба.

— Нет. — Резкий голос эхом разнесся по страшной поляне. — Это моя добыча. Я первый ее нашел. Я выследил! Моя.

Тихий жалобный вздох разнесся по лесу: силуэты девушек начали меркнуть, пока не превратились в густой, белесый туман, тут же растекающийся бледными ручейками по лесу.

С исчезновением мар браслет перестал жечь руку — Таня смогла стянуть его с руки и наставить кольцо обзора на неожиданного спасителя.

— Испугалась? — Мужчина усмехнулся, но его черные глаза продолжали пытливо вглядываться в лицо девушки. Против воли взгляд его немного задержался на ее короне.

— Нет. — К сожалению, голос Татьяны предательски задрожал. — Немного, — скрашивая первую ложь, добавила девушка. — Спасибо за помощь... Вы пришли вовремя.

— Да опоздай я на несколько секунд, тебя бы съели. — В голосе духа не было и тени самодовольства или злорадства. — Твоя корона исчезает, — вдруг произнес он. — Наверное, скоро утро?

— Да... — Таня абсолютно не знала, как вести себя с этим стран-

ным парнем. Конечно, он спас ее, и она должна быть благодарна. Но Татьяна не могла не признаться себе, что этот человек... человек ли? страшит ее. Пугает.

— Откуда ты знаешь? — встрепнулась она. — Про Венец...

— Вещи-призраки всегда исчезают при первых лучах рассветного солнца. С давних времен это самый верный способ рассеять чары ночи.

Таня пожала плечами: корона и вправду исчезала — обод Венца перестал давить на голову, девушка сразу почувствовала себя лучше.

— Зря ты так далеко отошла от дома, — продолжил между тем новый знакомый. — Разве госпожа Кара не говорила тебе об этом?

— Я заблудилась, — буркнула Таня. Невольным жестом она провела ладонью над головой — пусто. Венец исчез.

Девушка вздохнула полной грудью. Так вот как... интересно. Значит, этот человек знает о старой волшебнице. Татьяна сразу же почувствовала облегчение: скорее всего, он не опасен. Знакомства — это хорошо. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, друг ли ты мне... Что-то в этом ключе.

— Как ты меня нашел? — отвлекшись от своих мыслей, подозрительно спросила Таня.

— Я обещал Каре охранять тебя, если ты выйдешь за пределы защищенной ее волшебством части леса. Для любого духа съест тебя — большая удача. И вдобавок похрустеть волшебным Венцом.

Таня поежилась.

— Я не ожидала, что тут же повстречаю злых духов... Так они правда едят людей? — Она поморщилась. Вдруг ясно представила, какой же опасности она только что избежала. К счастью, Венец, причинявший боль, исчез, и теперь она могла мыслить более четко.

— Только тех, кто их боится, — спокойно ответил парень. — Речь, конечно, не о материальном теле. Духи питаются магической энергией. Лесовики, русалки, вилии, суккубы или шушеры, высшие духи или низшие, все они питаются магической силой. Иначе им не выжить — зачахнут. Впрочем, они прекрасно едят и друг друга.

Невольно парень чуть отодвинулся от нее, но Таня уже почувствовала слабый запах. Она хорошо знала этот аромат — лимона и мяты, запах лучшего чародейства в мире — волшебной иллюзии. В памяти всплыла другая книга и услужливо открылась на нужной странице:

«Все в этом мире имеет свой запах: живые существа, волшебные существа, вещи, заклинания — все материи и не-материи обладают собственным энергетическим полем, запахом, цветом, имеют свою магическую характеристику. Труднее всего выследить по запаху единственное существо — духа. Духи нематериальны. Они умеют принимать любой облик, а следовательно, изменять все характеристики, в том числе и запах. Но это всего лишь иллюзия».

• Свободная
ведьма •

Глава 1

ДВА КНЯЗЯ

Назревала катастрофа.

Тихо и вкрадчиво шипел свечной воск, плавясь под рыжими змейками огня, лениво потрескивало пламя в настенных чашах, и вился дым под низким потолком, создавая в пространстве зала фантастические, жутковатые иллюзии.

В тесноватом помещении собралось немного людей — человек тридцать. Самые верные и преданные люди, лучшие колдуны из цивилилов. Именно здесь, в одном из подземных залов Черного замка — резиденции карпатских правителей Вордаков, проходили переговоры о дальнейшем сотрудничестве с иномирным Чародольским Князем.

Нынешний Карпатский Князь, Алексей Вордак, сидел в неприличном для него президентском кресле — с высокой жесткой спинкой, неудобными, впивающимися в кожу подлокотниками, богато изукрашенными золотой лепниной, — и смотрел только на Чародольского Князя.

Проклятый дым заставлял слезиться глаза и морщить нос, туманил взгляд и сеял хаос в мыслях. Молодому правителю стоило огромных усилий выглядеть, как подобает главе целого княжества. Поэтому он медленно и осторожно, чтобы никто не заметил, еще больше выпрямил спину и сглотнул подступивший к горлу комок. Да, великий Чародолец тянет с ответом, заставляя нервничать всех присутствующих в зале.

Насмешливый и пристальный взгляд серых глаз пугал и раздражал младшего Вордака. Заставлял нервничать. Что скажет повелитель Чародола, полудух Рик Стригой, в ответ на прямое предложение подтвердить сотрудничество с новым Карпатским Князем?

Пауза недвусмысленно затянулась.

Все, кто находился в подземелье, застыли. Казалось, время остановилось, замерло навсегда — слишком долго тянулось напряженное, выжидательное молчание. Лишь особо впечатлительные маги пытались скрыть волнение тихими вздохами и равнодушным по-

кашливанием. От одного слова полудуха Стригоя зависело очень многое, и вскоре это слово прозвучало.

— Нет, — сказал Чародольский Князь. — Я не согласен сотрудничать с Карпатским княжеством, пока на троне восседает юный, глупый мальчишка.

И улыбнулся — мягко и дружелюбно, как бы извиняясь за обидную фразу. Но в его глазах, где затаилась серая холодная сталь вражды, Вордак прочитал вызов, мрачное предостережение. Да, Чародольский Князь не собирается водить с ним дружбу. С ним — Алексеем Вордаком, по воле судьбы принявшим титул Карпатского Князя после гибели отца.

По всему выходило, что Чародольский Князь и не думал принимать его всерьез. Он просто взял и прибил младшего Вордака одним ударом. Как надоедливо кружащуюся у самого лица мушку. Чтобы не жужжала больше, не злила и не раздражала великого Чародольского Князя.

В данную минуту Алексей Вордак все силы тратил на то, чтобы не вскочить и не кинуться на эту наглую ухмыляющуюся рожу, подтвердив тем самым, что да, он юный, вспыльчивый и немудрый. Его шаткое, так и не упрочившееся положение власть имущего только что рухнуло, словно карточный домик, — грудой бесполезных, утраченных возможностей. Останутся ли с ним его верные советники, поверят ли в него, пойдут ли за ним, как шли за старшим Вордаком...

Полностью осознав эту мысль, Карпатский Князь не выдержал и вскочил. Выпрямился во весь рост.

— Это все, уважаемый гость? — холодно произнес он, стараясь унять злую дрожь в руках. — Тогда не смею больше задерживать.

Полудух улыбнулся, на этот раз снисходительно.

— Конечно-конечно, — добродушно пробормотал он. — Но перед тем как я удалюсь, позволю дать вам, дорогой князь, один совет... Ой как тяжело править в столь юном возрасте, поверьте мне, уж я-то знаю... А ведь вам даже четверти века нет, не правда ли? А Карпатские горы — непростое княжество. Здесь сходятся пути множества параллельных миров, самые верные междумирные тропы пролегают в этих владениях... Ну и в мой Чародол можно теперь заглянуть... Лакомый для многих кусочек. Уверен, скоро к вам нагрянут гости из соседних государств, а там уже и со всего мира подтянутся. Насколько я слышал, к Двери в Скале — закрытому по одной досадной случайности проходу в Чародол — началось паломничество иностранных магов. Делегации из ближнего и дальнего зарубежья едут к вам одна за другой. А ведь в Карпатах, задолго до того, как вы родились, уважаемый князь, происходили интереснейшие вещи... Да, здесь сходятся важнейшие узлы миросплетений, о которых вы, в силу бедности ваших знаний и недостатка жизненного опыта, даже

не подозреваете. Вы хоть понимаете, сколь тяжкое бремя на себя взвалили?

Рик Стригой замолчал, очевидно ожидая ответа.

— Отец передал мне Скипетр и княжеский титул, — зло, но четко ответил Алексей Вордак своему заграничному гостю. — И я намерен нести его до самого конца. Жаль, что вы не разделяете его выбора. Жаль, что отказались от мирного соглашения, ранее заключенного с моим отцом. Но... как-нибудь и без вас справимся.

Чародольский Князь вновь усмехнулся:

— Конечно-конечно... И все-таки совет. На вашем месте я бы немедленно собрал делегацию к Лютогору — предводителю клана диких, отдал бы ему Скипетр и Венец, который также находится почти в вашей власти, не так ли?

Рик Стригой сощурил глаза, и его лицо приобрело довольно хищное выражение. Он выдержал паузу и продолжил более жестким тоном:

— Послушайте меня, юный князь, и передайте Лютогору власть. Да, он резок, груб, кровожаден. Вы же, руководствуясь лишь бездумным мальчишеским благородством, больше всего на свете желаете отомстить ему за смерть вашего отца.

При этих словах Алексей Вордак сильно поbledнел.

— Но он властен, умен, опытен, — как ни в чем не бывало продолжал полудух. — Карпатское колдовское сообщество с радостью поддержит его, к тому же больше достойных кандидатур не осталось. А сами вы, юный князь, отойдите в сторону. Если будете вести себя смиренно, он вас пощадит. Иначе я не дам за вашу жизнь и старого, траченного молью клубка ниток. Вы не сможете управлять княжеством даже при таком советчике, как уважаемый маг Виртус. Но, передав власть Лютогору добровольно, вы сохраните свою молодую жизнь.

Надо отдать Карпатскому Князю должное — Алексей Вордак ничем не выказал ярости. Наоборот, он сел, расслабленно откинувшись на спинку кресла и сделал вид, будто серьезно раздумывает над предложением инодержавного гостя.

— Со своей стороны могу дать вам любую должность при своем дворе, — видя, что мгновенного ответа не последует, любезно продолжил Чародольский Князь. — Сможете спокойно довершить магическое образование. Женитесь, наконец... У нас в Чародоле много красавиц, которые с радостью пойдут за столь аристократичного представителя, коим вы, конечно, будете являться до конца ваших дней.

Непроизвольно кулаки у младшего Вордака сжались. Маг Виртус заметил это и деликатно кашлянул, словно бы испрашивая разрешения вмешаться.

— Возможно, для начала нам всем стоит успокоиться, — осто-

рожно начал свою речь этот хитрый польский колдун. — И не делать преждевременных, скоропалительных выводов. После чего хорошо обдумать создавшееся положение... Возможно, стоит провести повторные переговоры чуть позже?

Чародольский Князь скривился, явно не одобряя попытку мага Виртуса завершить встречу на дружественной ноте.

— Нет, свое решение я менять не намерен, — отчеканил он. — Сотрудничества не будет.

— И все-таки... — не унимался польский маг.

Но Чародольский Князь его перебил:

— При инциденте на горе Кровуше, столь печальном для всех нас... юный Карпатский Князь доказал, что ему доверять не стоит. — В голосе полудуха прорезался металл. — Из-за его поспешности, горячности, глупости и прочих неконтролируемых чувств произошла очень неприятная вещь. Был похищен Золотой Ключ. Вряд ли такой человек, как этот мальчишка, сможет управлять не то чтобы княжеством... он не способен сдерживать даже собственные эмоции.

Словно бы в подтверждение его слов Алексей Вордак вскочил и в один прыжок оказался перед Чародольцем.

— Ну и пошел бы ты, полудух! — выпалил он. — Со своим сотр-р-рудничеством! Пошел бы прямо в... — и добавил конкретное указание.

Маги замерли в едином охе. Карпатский Князь только что перешел тонкую грань — оскорбил самого правителя Чародола, да еще официально, при свидетелях!

Но полудух, несомненно, был доволен — даже заулыбался и вновь прищурил серые глаза. Кажется, именно этого он и добивался — вывести юного князя из себя. Маг Виртус вздохнул, осуждающе цокнул языком и покачал белой головой.

Между тем Карпатский Князь сделал шаг вперед, подойдя к полудуху чуть ли не вплотную, и вперился в того гневным взглядом. Чародольский Князь не отступил, наоборот, с интересом ожидал его дальнейших действий.

Присутствующие заметно волновались — назревал большой междумирный конфликт.

— Так ты мстишь мне за Ключ? — неожиданно тихо спросил Вордак. — Или же за нее?

Полудух тут же перестал улыбаться. Не произнеся больше ни слова, он коротко и непринужденно поклонился, после чего исчез вместе со своей свитой в дымке серебристого тумана ультраперехода.

Некоторое время среди присутствующих царило молчание. Только слышались тяжкие вздохи и неодобрительные покашливания, чувствовалась всеобщая угнетенность.

— Теперь нам хана, — прошептал Шелл на ухо магу Виртусу. Но в наступившей тишине его услышали все, кто был в зале.

Словно бы ставя точку в деле неудавшихся переговоров, пространство перед князем Вордаком прорезала яркая огненная вспышка — в левый подлокотник его кресла вонзилась грубая железная стрела с оперением из совиных перьев. Если бы Карпатский Князь не убрал в этот момент руку, ему раздробило бы ее вчистую, как золотую лепнину, в мгновение разлетевшуюся на мелкие крошки.

Этот инцидент даже неугомонный Шелл не взялся прокомментировать и лишь протяжно, с присвистом, вздохнул.

— Вот же сволочь, — пробормотал почти про себя поляк.

Глава 2

МОЛЬФАР

Где-то выли — тоскливо и пронзительно.

Звук тянулся и тянулся, похожий на тяжкий, безысходный плач, и проникал в самое сердце, теребя и терзая нервные струны, словно обезумевший от страха музыкант. Хотелось спрятаться или, наоборот, тоже завывать — разделить чужое уныние, выплеснуть собственное отчаяние.

Но вот вторая луна вышла из-за облаков и присоединилась к первой — свет обоих светил мгновенно пробился сквозь тесные ветви деревьев. И чернота леса распалась на тысячи уродливых нитей; зрение без труда выхватывало мелкие детали — то листик, то неровный сучок, то чуткую, скользящую тень мелкого животного.

Сидеть на толстой ветке было неудобно, зато безопасно. Прошло несколько часов с того момента, как Каве взобралась сюда, опасаясь хищников, подстерегающих души, заблудшие в ночном лесу. Вот уже три ночи подряд за ней повсюду следовали серые тени неизвестных зверей, смахивающих по очертаниям на крупных волков. Но девушка несколько раз швырнула в них камнем и приближаться хищники больше не решались — она лишь слышала издали их неотступное, глухое рычание. И все же ведьму не покидала мысль, что этот жуткий, плачущий вой — их глоток дело, ее преследователей. Сможет ли она сегодня поспать? Хотя бы несколько часов, пробуя отстранить сознание от шумного и таинственного лесного многоголосья, забыться хоть на часик в беспечном сне...

Да, этот ночной кародольский лес был страшен, и все же — не страшнее обычного карпатского леса. Куда более пугающей казалась неизвестность — она представлялась туманной дорогой, пол-

ной преград и неожиданных поворотов, — исчезающая где-то там, в далеком и неопределенном будущем.

Если Великий Мольфар не появится до следующего утра, решила для себя Каве, она просто пойдет дальше — наобум, куда глаза глядят. В конце концов, ни один лес не тянется кольцом, огибая земной шар, поэтому когда-нибудь обязательно закончится.

Правда, этот лес не заканчивался уже несколько суток. Ее желудок сводило при воспоминании о горьком вкусе сыроежек. Иногда удавалось найти белый гриб или «оленьи рожки»; тогда она, заставляя вспыхнуть несколько веток, быстро поджаривала грибы на небольшом огне и спешно ела, одновременно гася костерок и развеивая дым. После чего путешественница незамедлительно устремлялась дальше, опасаясь возможной погони. Да, если бы не три мохнатые тени, появлявшиеся поблизости с наступлением темноты и преследовавшие до самого рассвета, Каве могла бы поздравить себя с довольно успешным выживанием в лесу этого нового, волшебного мира.

К сожалению, прибытие в Чародол серьезно отразилось на ее магических навыках: сейчас Каве могла зажечь только слабый огонек. Не удавалось ни одно заклинание выманивания, с помощью которого так просто добыть любую вещь, любую еду! Все попытки девушки воссоздать хотя бы маленькую, несложную иллюзию, вызвать клубок или градовой нож из личного астрального хранилища, имеющегося у каждого мага, — всё безрезультатно.

Что же это за чародейный мир, где нельзя колдовать?! Лишь сухая ветка вспыхивала крохотным лепестком пламени, повинувшись сердитому взгляду Каве. Благодаря этому несчастная ведьма могла хотя бы жарить грибы. Конечно, ее очень радовало, что атмосфера другого мира позволяла дышать полной грудью, деревья были похожи на деревья, да и грибы оказались теми же привычными грибами, а ягоды ранней земляники — ягодами ранней земляники. И если бы не две луны, выползавшие в сумерках на небо (обычный, сияюще-желтый диск, и возле него — в два раза больший кругляш, и потому имеющий менее яркое свечение), Каве бы сочла прародину карпатских колдунов вполне нормальной для жизни. Потому что, кроме второй луны, ничего особо волшебного ей пока не встретилось. Наоборот — все чародейные способности словно бы выветрились из головы, как утренние сны! Неужели все-таки под действием чистого (но губительного?) чародольского воздуха? Едва оказавшись в лесу, ведьма сразу предположила, что Дверь в Скале вывела ее из Карпатских гор куда-то в лесную глухомань Чародола — дикое место, дремучий лес. Ни малейшей надежды увидеть поблизости какие-либо признаки человеческого жилья. Деревья росли высоко и густо; иногда попадались сваленные бурей стволы, но среди них не было спиленных или срубленных — видать, редко захаживали в эти

чащи дровосеки. Девушке часто приходилось взбираться на холмы, а на узких, заросших диким кустарником и терном тропках, лишь слегка промятых лапами лесных зверей, встречались камни и куски слоистой породы, из чего девушка сделала вывод, что где-то поблизости могут быть невысокие горы.

Очнувшись от невеселых мыслей, Каве скосила глаза вниз, приоткрылась — вроде бы пусто, прислушалась — тихо... Тогда она попробовала осторожно свесить ногу... Из темноты тут же материализовалась в прыжке черная фигура зверя и кляцнула зубами возле самой ступни. Ведьма мгновенно, словно заправская белка, скользнула вверх по дереву. Лучше уж проторчать среди веток до самых первых морозов, чем дразнить странных зверюг босыми ногами. Скорей бы рассвет... Тогда эти твари, возможно, опять исчезнут и она пройдет больше, чем прошла сегодня. А для этого надо восстановить силы — попытаться хоть немножко поспать...

Неожиданно ее обоняние уловило слабый дух костра — едкий, но приятный запах сухого горящего дерева.

«Ну что, долго собираешься на дереве сидеть?» — услышала Каве мысленный вызов. Это было так внезапно, что она сильно вздрогнула, едва не свалившись с ветки.

«Спускайся, мои ребята тебя не тронут».

Голос был знакомый, причем недавно слышанный...

«Давай быстрее, черепаха. И без тебя куча дел».

Девушка резко выпрямилась — жалобно хрустнула тонкая ветка, нечаянно задетая плечом.

Так вот же он, тот, на встречу с которым она продолжала втайне надеяться, — Великий Мольфар! Древний карпатский маг, человек-дракон, еще недавно сбросивший с себя гору и удравший в неизвестном направлении. Выходит, она не ошиблась, ожидая встречи с ним!

«Сказал же, звери тебя не тронут. — В голосе мага послышалось уже знакомое по прошлым разговорам раздражение. — Верь мне и слезай наконец».

Каве осторожно спустилась на нижние ветви. На всякий случай немного подождала, но внизу было тихо. Неожиданно вспыхнул огонек, яркий и жгучий, возле самого ее лица. Она тут же спрыгнула вниз, стремясь уйти от назойливо светящейся мошки, но огонек обогнал ее, покрутился вокруг носа, дразнясь, да и двинулся в ту сторону, откуда доносился запах дыма — явный признак человеческого обиталища.

Ну конечно, это карпатский маг послал ей живой фонарик, чтобы освещать путь. Смирившись, она покорно пошлепала босыми ногами по влажному лесному мху, стараясь обходить колючие ветки сушняка и толстые, узловатые корни, повсюду торчавшие из-под

земли — стволы росли так тесно, что кроны деревьев чуть ли не обнимались друг с дружкой.

Наконец впереди блеснул яркий свет, и девушка вышла на небольшую прогалину. Возле костерка, уютно расположившись на старой, почерневшей от гнили коряге, сидел человек, а возле ног его лежали, прислонившись друг к другу, три зверя. У этих животных был густой и шерстистый черный мех в неровных рыжих подпалинах, длинные узкие пасти, не скрывавшие острых клыков, и тонкие хвосты с наконечником. Появление Каве звери встретили равнодушно, хотя она могла биться об заклад — один из них лишь недавно чуть не цапнул ее за ступню.

Да, это был сам Великий Мольфар — древний маг, недавно освобожденный ею с помощью градового ножа из-под власти горы. Сейчас карпатский маг выглядел иначе, чем в их первую встречу. Да, он был стар, но весьма крепок на вид: прямая осанка, широкие плечи, гордая посадка головы. Благородное лицо его обрамляли пряди седых волос, заплетенные в тощую косу, в левом ухе блестела золотая серьга с полумесяцем в черной кайме. Довершали образ карпатского мага просторный серый балахон в складках, перетянутый широким, сплетенным из кожаных полосок поясом, — обычный наряд сельских пастухов, и носки выглядывающих из-под низа одежды коричневых, немного растоптанных кожаных сапог.

Каве еще не встречала мага в таком обличье, но видела, что на нем лежит иллюзия. Причем иллюзия многослойная, настоящего лица так просто не разглядишь... Но втайне девушка порадовалась, что способность различать скрытые чужие личины осталась при ней. Значит, не все так и плохо с ее волшебными знаниями в этом мире.

Мольфар был занят: насаживал сосиски на тонкие крепкие прутья и тут же совал их в огонь.

Вскоре послышалось медленное, просто-таки садистское потрескивание лопавшейся кожуры. От запаха жареных сосисок ее желудок чуть ли не скрутился восьмеркой. Девушка едва подавила желание тотчас упасть на колени и умолять об аппетитной мякоти.

— Не ожидала встречи? — не глядя на девушку, спросил маг.

Чтобы ответить, ей пришлось сглотнуть обильную слюну.

— Наоборот, я знала, что вы придете, — рассеянно произнесла она. — Чтобы забрать ваш Ключ обратно.

— Да зачем он мне?

Каве опешила.

— Ну-у, вам-то лучше знать! Наверняка у вас полно интересных дел. — Она не скрывала иронии в голосе. — Вы же доверили его мне, руководствуясь какими-то своими соображениями? Потому что я

чуть ли не единственная, кто не хочет владеть этим чудным Ключом.

— Да, именно так, — согласился маг, не отрываясь от процесса обжаривания. — И я рад, что ты не отдала Ключ своему именитому другу, — продолжил он, по очереди переворачивая прутики с сосисками. — Хотя, признаться, удивлен. Да, так я и не познал всех тонкостей человеческой натуры, как думал... Садись рядом. — Он хлопнул по трухлявой древесине, на место рядом с собой.

Девушка присела на самый краешек, с опаской косясь на трех мохнатых зверей, разлегшихся подле ног старика, как домашние собаки.

— Так чем же вы удивлены? — терпеливо продолжила она разговор, стараясь не смотреть на эти прекрасные подрумянивающиеся сосиски.

— Да-да-да, — рассеянно ответил маг. — Удивлен, что ты не отдала Ключ Чародольскому Князю. И удивлен не менее, что он сам не забрал его у тебя. Кстати, неужели не было соблазна отдать ему Ключ? Ведь это избавило бы тебя от проблем. Ладно, можешь не отвечать... Но я, конечно, осведомлен, что ты умудрилась закрыть Дверь в Скале перед самым его носом. И он тебе не препятствовал.

Каве только пожалала плечами.

— Князь затеял свою игру... Скорей всего, именно поэтому тебе пока что везет. Но если бы я знал, что Ключ все-таки оказался в руках Чародольского Князя, тогда... И пришел бы к нему, и убил бы его, а это сейчас не к спеху, — буднично закончил маг.

Несмотря на разыгравшийся аппетит, Каве разозлилась. Она даже приподнялась, чувствуя, как начинают пульсировать от гнева кончики ушей, и приоткрыла рот, чтобы высказаться в довольно резком тоне.

Но маг опередил ее:

— Успокойся, ведьма, я пошутил. Если бы я хотел убить Чародольца, то не обращался бы к тебе за помощью, кхм... Лучше считай, что ты решила величайшую задачу нашего времени. С достоинством прошла испытание судьбы и готова к новым... Что-то я красиво заговорил, наверное, голоден. Ты-то как себя чувствуешь?

— А вы как думаете? — тут же огрызнулась девушка. Она устала, была грязна и лохмата, хотела есть и еще больше — спать, в общем, ее сознание витало вдали от глобальных задач. И уж точно — вдали от испытаний, как старых, так и новых.

— То, что Ключ выбрал тебя сам, — неторопливо начал карпатский маг, — еще ничего не значит. В конце концов, все могут ошибаться, даже такие вещи, как этот Ключ, — наделенные магической душой, вышедшие из-под руки великого мастера...

Ведьма невольно возвела очи к небу. Ну и хвастуном оказался этот маг, даром что действительно великий мастер.

— Хвальба от похвалы разительно отличается, — верно разгадав ее мысль, произнес маг. — Хвальба всегда незаслуженна и ведет к тщеславию, а похвала — заслуженна и этим изначально чиста. Если тебе есть чем гордиться — рассказывай об этом смело.

Каве не могла не признать, что некоторая доля правды в этих словах есть.

— Мало того, — добавил маг, — если бы люди почаще хвалили себя, то были бы куда добрее, веселее и жизнерадостнее, жили бы в мире и гармонии.

— Ну да, сам себя не похвалишь, весь день как... — Девушка осеклась, вспомнив невежливое окончание известной пословицы, и смутилась. — Ну, в печали.

Маг хмыкнул, стянул сосиски в походную железную миску, стоявшую возле него на коряге, и насадил на прутики следующую порцию.

Звери тут же приподняли головы: их ноздри взволнованно заходили, а глаза последовали точно за передвижением прутика с сосисками.

— Скажите, а как вы меня нашли? — осторожно поинтересовалась Каве.

Вместо ответа маг выразительно глянул на цепочку, обвивавшую тонкую шею Каве, и перевел чуть ниже — на Ключ.

— Пока ты носишь эту вещь, я всегда буду знать, где он. Я же сотворил его, поэтому между нами прочная связь.

— Скажите, а так с любой вещью, которую вы... мм... сотворили? — Конечно.

— В таком случае не будете ли вы любезны... — Девушка запнулась, гадая, как бы повежливее оформить просьбу. — В общем, рассказать, кто сейчас владеет Карпатским Венцом?

— Могу, — неожиданно легко согласился маг. — Тем более мне самому интересно.

Мольфар шелкнул пальцами перед изумленной девушкой, и ментально на этом месте появился большой радужный пузырь с тонкими стенками. Внутри него горел оранжевый лепесток пламени. Подобный шар Каве некогда видела в комнате у госпожи Кары — английской ведьмы-наставницы и собственной же прабабушки, согласно официальной версии то почившей, то вновь ожившей.

Она взгляделась и вдруг различила на тонких стенках пузыря неясные, мятущиеся тени. Вскоре изображение прояснилось и стало четким: она увидела знакомую полосатую гостиную — комнату в доме госпожи Кары, где девушка имела честь учиться в течение последнего года. На диване перед полыхающим огнем камина сидела сама госпожа Кара и...

Каве шумно втянула носом воздух: в руках английской наставницы сиял изумрудом Венец карпатских князей.

— Вот же гадина! — вырвался у нее рассерженный возглас. — Старая сволочь!

Маг одарил девушку снисходительным взглядом:

— Надеюсь, не я?

— При чем тут вы, — пробурчала ведьма, коря себя за несдержанность. — Просто я... не ожидала, в общем.

— Наверное, ты не в курсе последних новостей, — продолжил маг и наконец-то предложил девушке миску с еще горячими, остро пахнущими сосисками.

— Спасибо. — Едва поблагодарив, Каве отбросила все приличия и жадно принялась за еду. В эту минуту она чувствовала себя хищником, которому не давали мяса целый год.

— Новый князь обязан передать взятый на время Карпатский Венец одной из хранилищ. И так как одна из них далеко, то осталась твоя старая... родственница. Кстати, возможно, она собирается отдать корону обратно князю... Ну а если тому удастся заполучить третий символ власти — Державу... Между прочим, тогда малый стал бы полноправным князем и никто не смог бы помешать ему в этом. Мало того, он сравнялся бы в правах с нашим знакомым — заносчивым чародольцем-полудухом... Неплохо я придумал с этими символами власти, а?

— Неплохо, только путаницы много, — честно ответила девушка.

На это маг предпочел промолчать.

— Что думаешь делать дальше? — спустя мгновение спросил он.

Не отрываясь от поедания сосисок, ведьма передернула плечами. Да, у нее родился некий план действий, но она предпочла бы пока что не делиться этими соображениями с Великим Мольфаром.

— А я вот знаю. — Маг строго взглянул на нее. — Ты поедешь в Фортуну — столицу Чародола и примешь участие в Чаклуне.

— Что-что-что? — От этого известия Каве так расстроилась, что даже перестала жевать. — Зачем?!

— Ты уже ввязалась в эту историю по самые уши. Раз Золотой Ключ тебе доверился — вот и разгадывай его тайну. А мне и самому любопытно разобраться, в чем твой дар, уважаемая ведьма. Ни прабабка Марьяна, ни сам Мстислав Вордак, ни его враг Лютогор, ни Чародольский Князь — не смогли разгадать твоего дара, списывая твои победы то на простое везение, то на непроводное. Согласись, занятная выходит история.

— Кому как, — пробурчала Каве. — Но, скажу откровенно, у меня нет никакой охоты принимать участие в неизвестном Чаклуна, да еще под носом у Чародольского Князя, как я понимаю, раз дело происходит в его столице.

— Верно мыслишь, — хмыкнул маг. — Но выхода у тебя все равно

нет. Я бы тебе не советовал возвращаться в Карпаты — Лютогор по-прежнему силен. К тому же от возжеленного титула Единого Карпатского Князя его отделяет всего лишь одна человеческая жизнь — жизнь мальчишки. Твоя же прелестная златокудрая головка — прекрасный рычаг давления на беднягу Вордака-младшего. Или у тебя есть другие мысли по этому поводу?

Каве раздраженно фыркнула. Мало того, при упоминании о Вордаке-младшем у нее заняло сердце.

Да, проклятый Мольфар прав, прав, прав. Но, честно говоря, она-то надеялась совсем на другое! Что сдаст Ключ этому несносному магу-дракону, а сама вернется в Карпаты и поможет Лешке. Венец думала отдарить парню насовсем... А там уже и с Лютогором можно расправиться. Все-таки два символа власти, Скипетр и Венец, против одного — Державы... Хотя, если сама прабабка мыслит так же... Ну правильно, если Лютогор сгинет — падет его заклятие и госпожа Кара сможет вернуться в Карпаты, не опасаясь быть превращенной в золотое кольцо на магическом поясе предводителя диких.

Честно говоря, Каве уже раскаивалась, что так по-глупому посорилась с Лешкой. Хотя и понимала, иначе не вышло бы: отдай она Ключ парню — и Чародольский Князь просто растоптал бы нового Карпатского Князя... Пошел бы на него войной? Подослал бы убийц? Или сам бы вызвался... В любом случае такой враг Алексею Вордаку не нужен. Но теперь, когда Карпатский Венец оказался у прабабки, госпожи Кары, дело принимает несколько иной оборот. Остается надеяться, что она поставит на младшего Вордака... Но старая ведьма дружна с Чародольским Князем! Черт, от всех этих загадок, тайн и вопросов без ответов голова загудела, как большой монастырский колокол.

— Значит, план такой, — не замечая испортившегося настроения девушки, произнес маг. — Я сейчас открою тебе быстрый зеркальный путь к землякам. Это хорошие ребята, они меня знают. Там познакомишься с девушкой по имени Тай. Она с детства мечтала стать высшей ведьмой Чародола и все знает об этих соревнованиях... Ты представишься им специалистом по иллюзиям — они давно такого ищут, для одного любопытного дельца... Так что случай выходит подходящий. Скажем так: поможешь им в несколько щекотливом деле, а взамен Тай расскажет, что вам обоим надо совершить, чтобы попасть хотя бы в турнирную группу соревнующихся чаров.

— Чаров?

Карпатский маг удивленно взглянул на девушку.

— Ах да, действительно! Старею... — Он хмыкнул. — В Чародоле всех волшебников и ведьм обычно называют чарами. Не колдовать, мол, а чаровать. Колдун — чар, ведьма — чара. Здесь тоже живут простые люди, есть необычные — например, с рогом на лбу. Но у

всех есть природные магические способности — сама земля дарит чародольцам силу. У простого народа в большом ходу амулеты, браслеты, кольца, волшебные ножи... Но магическому искусству, как ты сама прекрасно знаешь, надо долго обучаться. А чародольцы не особо хотят постигать волшебные премудрости, как и обычные, среднестатистические граждане любой страны твоего родного мира. Поэтому обучившихся волшебству чаров очень уважают и почитают, а Чаклун пользуется великой славой, поглазеть на действо собираются люди со всего чародольского мира.

— Магическая олимпиада, выходит?

— Довольно точная аллегория, — подтвердил маг.

— Чего я еще не знаю?

— Хе! — крикнул маг. — Не переживай особо, научишься по ходу... У тебя будет компания, скучать не придется. Помогут...

— А с чего вы решили, что я поеду на этот дурацкий турнир? — Каве насытилась, расслабилась и поэтому дала волю эмоциям. — Зачем мне это?

— Это нужно мне, — спокойно ответил маг. — Если ты согласишься пройти в финал турнира и сделать одно маленькое дельце для меня... То я исполню любое твое желание. Заметь, слово «любое» — ключевое в этой фразе.

Каве, открывшая рот, чтобы возразить, так и застыла.

— Вы сможете отобрать у Лютогора Державу? — быстро спросила она.

— Х-хе, — крикнул маг. — Ну-у... кхм-кхм... можно. Однако сначала ты выполнишь свою часть соглашения. Попадешь в финал Чаклуна. Тем более тебе это самой не помешает.

— Тогда ладно, попробуем, — сразу согласилась девушка. — А что за дельце?

— Все просто: разгадай тайну Золотого Ключа. — Маг не выдержал и заулыбался — по его лицу расплзлись сотни веселых морщинок.

«Интересно, как он на самом деле выглядит? — рассеянно подумала Каве. — И сколько у него набралось личин за века, что он здравствует на этой земле...»

— Не переживай, Ключ тебя сам направит, — добавил маг. — А взамен я помогу тебе с этим несносным предводителем диких. Согласись, дело того стоит.

Да, «дело» принимало интересный оборот: маг почему-то думает, что Каве может попасть в финал крутой магической олимпиады, именуемой просто — Чаклун. Хорошо... Чем дольше он будет придерживаться этой мысли, тем лучше для нее. И если он действительно сможет отобрать у этого гада Лютогора последний символ власти, Державу... Она отдаст ее Лешке и... будет свободна. Проклятие хранильницы Венца сгинет навек, потому что Вордак будет вла-

деть тремя символами: Скипетром, Венцом и Державой — станет Единым Карпатским Князем. А вот что она будет делать? Каве ощутила еще одно болезненное сжатие где-то в области сердца. Да, в Карпаты лучше не возвращаться. Возможно, она будет жить здесь. И сможет продолжить обучение ведьминскому искусству в Чародоле...

— И напоследок, — прерывая ее размышления, произнес Мольфар. — Несмотря ни на что, тебе стоит серьезно опасаться погони со стороны Чародольского Князя. Он еще не знает, что ты придешь к нему сама. Он тебя ищет и желает отобрать Ключ. Но если ты пройдешь в финальный тур — твоя персона станет неприкосновенна. Никто не посмеет тебя не только под стражу взять — слова лишнего сказать. Чары, прошедшие в финал этого замечательного турнира, приравниваются к особам правящего клана. Лучшие чары — гордость Державы... Слава им, почет и защита! Но до этого твоя жизнь и свобода под угрозой.

Каве легонько покрутила головой, обдумывая услышанное.

— А что стоит Рикю Стригою схватить меня по дороге? — Она запнулась. Звук имени Чародольского Князя вновь заставил неприятно сжаться сердце — сладко, тревожно и гневно одновременно. — Или во время турнира, — спустя мгновение продолжила она.

— Ключ подсажет верное решение. — Маг забрал у нее миску, положил еще поджаренных сосисок и вновь протянул девушке. — А если нет — ну что ж, такова твоя судьба. При любом исходе князь не обидит такую симпатичную ведьмочку... Не то что меня, старого дурака... Кроме того, у тебя же есть уникальный серебряный браслет? Я отлично помню, как его делал... Эх, Марьяна, Марьяна...

Лицо карпатского мага вдруг посерьезнело, будто бы заострилось, потемнело. Или это игра огненных отсветов?

Мольфар не спешил продолжать, и Каве мучительно раздумывала, как бы сейчас воспользоваться ситуацией и выпытать что-нибудь новое про подарок несносной прабабки — серебряный браслет, перевернувший ее жизнь с ног на голову.

Но маг первым подал голос:

— А вот другу твоему, Карпатскому Князю, придется тогда не сладко.

— Почему это? — встрепенулась ведьма, вмиг забыв про браслет. — Если Ключ будет у Рика Стригоя, разве он не оставит в покое Лешку? Ну... то есть Карпатского Князя? Зачем Стригою наши маленькие Карпаты, когда у него есть Чародол?

Великий Мольфар вздохнул, не спеша повернулся и наконец впервые глянул на девушку в упор.

Треснула ветка, и пламя костра вскинулось на мгновение, ярко осветив мага. И в пламенном отблеске ведьма увидела красивое, тонко очерченное лицо юноши и необычайно выразительные гла-

за — синие, густого кобальтового оттенка, с холодными льдистыми искрами, вспыхивающими в самой глубине зрачков. Их взгляд был наполнен превосходством, осознанием собственной значимости; взгляд усталый, с печалью и равнодушием, пресыщенный взгляд. Увидела она и властную жесткую складку у рта, надменно вскинутый подбородок; худощавое тело в нарядной одежде, шитой тонкой золотой нитью по краю ворота. И тонкие пальцы — искусные, ловкие, быстрые, привыкшие мастерить...

Так вот каков ты на самом деле, Великий Мольфар!

— Да-а, непроста ты, ведьма, — нарушая чары наваждения, резко произнес маг. На этот раз его голос прозвучал грубо, неприятно, не было в нем и тени добродушия.

Каве поняла, что не ошиблась — ей удалось разглядеть истинный облик карпатского мага. Она глянула на собеседника с вызовом.

Но маг его не принял. Наоборот, усмехнулся и отстранился, вновь повернулся к костру.

— Рик Стригой ненавидит Карпаты, — тихо произнес он. — Самая заветная его мечта — чтобы эта земля исчезла навсегда. Поэтому он уничтожит волшебные горы — сотрет их с лица планеты, закинет в самый пропащий уголок Вселенной. Чтобы исчезло магическое пространство, соединяющее наш мир с великим Чародолом. Да, он не желает сотрудничать с Карпатским княжеством. Он думает только об одном — перекрыть Дверь в Скале навечно. И ему это удастся, если он заполучит Золотой Ключ.

— Не может быть! — ахнула изумленная девушка. — Он же сам говорил о сотрудничестве! Ходил все время возле Вордака и Лютогора...

— И где теперь Вордак? — перебил ее Мольфар. — Погиб... И где будет новый Карпатский Князь, когда до него доберется Лютогор? Да, Чародолец знатно всех перессорил. Не забывай о том, что Рик Стригой пошел на переговоры с карпатским правителем только по одной причине — из-за предмета, висящего на твоей груди. Только для того, чтобы открылась Дверь в Скале и я, повинувшись древней клятве, вынужден был бы отпустить Золотой Ключ, чтобы он выбрал себе хозяина. Ну или хозяйку, как получилось, хм-хм...

— Но моя прабабка! — не унималась Каве. — Она же водила с ним дружбу! А она любит Карпаты, пусть и не может туда вернуться из-за проклятия Лютогора. Она-то никак не могла желать гибели родному краю!

— Да, Марьяна сильно страдает вдали от родной земли, — подтвердил маг. — И хочет вернуться... И ей это удастся, когда последний из Карпатских Князей сгинет навек. У твоей прабабки своя игра, но раз она водится с Чародольцем, значит, сотрудничество их устраивает. Извини, но тут подробностей я не знаю... Сам бы не прочь выяснить.

Девушка невольно схватилась руками за голову, взъерошив густые светлые волосы. Только что узнанное встревожило ее не на шутку.

— Что же делать? — вырвалось у нее. — Надо его остановить!

Маг скучающе вздохнул:

— Боюсь показаться надоедливым... Однако раз этот магический Золотой Ключ тебе симпатизирует, вот ты и займись этим. Хм-хм... Придется кое-кому поразгадывать тайну Златограда. Так что хватит артачиться. Лучше поговорим о конкретных вещах.

— Куда уж конкретнее, — обозлилась Каве.

Видя, что девушка сильно взволнована и рассержена, маг продолжил:

— Я бы советовал не спешить с выводами. Если Золотой Ключ действительно выбрал тебя — он подскажет, как им управлять. Раскроет свои способности. Если же этого не случится — ты сможешь с легким сердцем отдать сей крохотный артефакт Чародольскому Князю. Но знай — тогда и я свою часть уговора не выполню. — Маг послал девушке острый мимолетный взгляд. — И если Золотой Ключ окажется у нового хозяина прежде, чем ты поймешь его предназначение, — печальная судьба Карпат решена. Но ты можешь разгадать его тайну, Каве. И Стригою это прекрасно известно. Мало того, полудух ждет, чтобы Ключ тебе проболтался, раз уж ты обладаешь даром водить дружбу с волшебными вещами. Но явно желает, чтобы это происходило под его непосредственным присмотром.

Ведьма глубоко и протяжно вздохнула.

— Насчет вещей... это вы точно подметили. Сначала мне симпатизировал мой браслет. — При этих словах серебряная змейка, обвивая вокруг предплечья девушки, тут же потеплела. Каве машинально тронула ее рукой — маг заметил это и понимающе усмехнулся. — После — Карпатский Венец. Потом уже разговорился и сам Скипетр, когда сообщил мне на субастральном уровне информацию о тебе, Великий Мольфар. Да, эти вещи любят болтать по душам.

— Далеко не со всеми, — заметил маг. — В этом и есть твоя особенность, дорогая ведьма. Магические вещи — не люди, что не всегда могут верно распознать искренность, доброту и честные помыслы... Возможно, дело и в какой-нибудь необычной черте твоего характера, редкостной в своем роде части души. Но знай — этого мало для того, чтобы вещи верно служили. Магический предмет будет подчиняться лишь тому, кто силен. У тебя есть особая сила, Каве. Даже градовой нож Марьяны Несамовитой беспрекословно подчиняется твоим приказам. Выходит, ты непростая ведьма. Вот почему Чародольский Князь так заинтересовался твоим феноменом... И почивший Мстислав Вордак, и даже этот паршивец Лютогор Мариус, будь он проклят. И — да-да, та самая Марьяна Несамовита, твоя неслышная прабабка. Кстати, насчет последней — вот с кем желаю тебе

быть весьма осторожной. Она явно что-то знает, раз поставила на тебя в этой игре. Но друг она тебе или враг — неизвестно.

Каве лишь рассеянно покачала головой, думая о другом. Так вот она кто — феномен. Повелительница волшебных вещей. Чертов Стригой...

— Кстати! — Карпатский маг вдруг усмехнулся. — Ты не вспомнила об еще одной важной вещи — о колокольчике. Маленьком бронзовом колокольчике, подаренном тебе знаменитым Туманным Колоколом. Если позволишь, я раскрою его секрет: когда настанет твой самый страшный час, просто позвони в него — и помощь придет. Не знаю, каким образом, но придет обязательно.

— Как в сказке?

— Как в жизни, — улыбнулся маг. — Только не перепутай свой самый страшный час с не очень страшным.

— Понятно, запомню. — Ведьма поежилась. — И все-таки, а нельзя обойтись без этого турнира? — Она пытливо сощурилась. — Нельзя ли разгадать тайну Золотого Ключа... ну или вернее сказать, тайну пропавшего Златограда — без моего позорного проигрыша на глазах у всего чародольского мира?

— Ну зачем быть столь уничижительной! — Маг недовольно поморщился. — Кроме того, не забывай о важном — о защите. Рик Стригой не будет иметь над тобою власти, если ты попадешь в финал славного Чаклуна. Тем более что-то мне подсказывает, ты сама очень хочешь принять участие в этих соревнованиях. Хочешь проверить свои силы... или испытать судьбу еще раз? — И маг хитро улыбнулся.

Каве, только что разделавшаяся с последней сосиской, пытливо всмотрелась в лицо собеседника. Наверняка этот седой старик, бывший дракон, карпатский маг и надменный синеглазый юноша в одном лице, умеет читать мысли. Или заглядывать глубоко в душу... Даже про бронзовый колокольчик узнал...

— Да-а, — задумчиво протянула она. — В таком случае, раз ты меня уже по всем параграфам раскусил, Великий Мольфар, следует немедленно приступить к разгадке этих тайн. Выбора-то все равно нет.

— Ну, выбор-то всегда есть, — усмехнулся маг. — Всегда есть выбор между простым и правильным... Между легким и сложным. Но если оставить философию в покое, наша проблема совершенно в другом: Ключ — всего лишь половина тайны Златограда. Вторая часть находится у Чародольского Князя, у нашего Рика, у Стригоя. Вот почему он знает, что ты все равно, рано или поздно, придешь к нему сама. А может, и принесешь разгадку на блюдечке с золотой каемкой. Как я тебе уже говорил — Ключ может сам дать тебе подсказку, что надо сделать.

Каве глубоко вздохнула. «Хорошо бы, — подумала она, — Золотой Ключ проболтался о своей тайне как можно раньше».

— Но будь осторожна. Да, возможно, Стригой и не будет тебе мешать. Но даже в лучшем случае, в случае твоей победы, он может запросто соблазнить тебя, а после забрать и Ключ и тайну. А у тебя ничего не останется.

«Если разобраться, то у меня и сейчас ничего нет», — подумалось ей. Нет семьи, о которой нельзя даже думать, чтобы до них не добрались ее враги. Нет дома, нет друзей... Вернее, друзья есть, но они далеко... Так далеко...

Невольно ее правая рука вновь коснулась браслета на левом предплечье. Да, именно с него и началась ее история.

Мольфар внимательно наблюдал за девушкой.

— Разгадка тайны Златограда сулит подарок необычайной силы тому, кто будет знать его секрет, — сказал он. — Если ты сама с этим справишься, то наконец-то обрешь свободу.

Свободу? Ведьма не удержалась и раздраженно мотнула головой. Интересно, что опять имеет в виду этот хитрый маг.

— Свободу — это как? — быстро проговорила она. — То есть я смогу беспрепятственно вернуться домой? Ну или куда захочу? И делать что захочу? Никаких больше проклятий над головой?

Некоторое время маг молчал.

— Свобода — это всегда свобода, — сказал он. — Свобода — это независимость. Это озарение. Легкий ветер, безмятежная озерная гладь, счастливая улыбка. Свобода — это очищение души от всего ненужного, что скопилось за жизнь, от налипшей грязи, фальши и лжи. Избавление от ложного мироощущения, несбывшихся надежд, чужих мечтаний и чуждых целей, наслаивающихся на нас, словно густая, дорожная пыль на медовые соты... Свободу сравнивают с тем кратким мигом, когда вдруг понимаешь, что для тебя есть самое важное и правильное в жизни.

— Значит, свобода — это прозрение, — резюмировала Каве. — Вроде состояния нирваны.

— Может, и так, — покивал маг. — Кстати, пока что вернуться домой ты в любом случае не сможешь. — Он пытливо оглядел девушку. — Видишь ли, пришло время открыть тебе первую тайну Ключа: какую дверь он закрыл, такую только им открыть и можно.

— Так в этом состоит тайна любого ключа, — хмыкнула девушка.

Но маг строго осадил ее:

— Не иронизируй. Не забывай, что Золотой Ключ способен открыть и закрыть любой замок в мире. ЛЮБОЙ. Понимаешь? Лю-бой. Но тот замок, что он закрыл, нельзя открыть, даже взорвав дверь. Поэтому Дверь в Скале, разделяющая карпатский и чародольский миры, сейчас надежно охраняется. Тебя ждут... — Маг крикнул. — Вернее, поджидают... Потому что теперь, когда ты Дверь в

Скале закрыла, никто не сможет ее открыть, кроме тебя самой. Представляешь? Так долго искать вожделенный путь в древний волшебный мир и остаться с носом из-за какой-то молоденькой ведьмы. Я думаю, у тебя на родине можно организовать фан-клуб тех, кто желает с тобой по квитаться.

И карпатский маг басовито захохотал, вспугнув филина, примостившегося на низкой сосновой ветке. Ночная птица захлопала крыльями и умчалась ввысь, по направлению к лунным дискам.

Ведьма заинтересованно проследила за ней взглядом.

— Скажите, — обратилась она к Мольфару, — почему в этом мире две луны?

— Все очень просто, — мгновенно отозвался тот. — Одна луна служит для порядка на нашей планете, для общей стабилизации хороших природных условий. А вторая — черная, или мистическая, луна предназначена для поддержания равновесия магических стихий в этом мире.

— Почему тогда у нас, где я родилась, нет двух лун? Ведь магия там тоже существует.

— А кто сказал, что нет? — Маг повел седой бровью. — Есть, только вторая не видна обычному глазу... И технически вооруженному — тоже. Потоки магических энергий на Земле дестабилизируют друг друга, вот почему естественный магический спутник не могут увидеть даже сами волшебники. Здесь же, на Чаре, — маг улыбнулся в бороду, — вихри магических стихий сильны и взаимодействуют друг с другом. И все благодаря устойчивому воздействию мистической луны.

— Так значит, этот параллельный нашему мир называется Чара?

— Именно так. Однако Чара — это не параллельный мир. Скорее, взаимосвязанный с Землей. Как матрешка в матрешке, если объяснить по-простому, в грубом и приблизительном сравнении.

— Прекрасно, все понятнее и понятнее. — Каве хмыкнула. — А луны как называются?

— Луна и Черная Луна, — охотно ответил маг.

— Ну, хоть с этим просто, — вздохнула девушка. — Хорошо, а на каком языке я буду разговаривать с вашими...

— ...земляками, — вежливо подсказал маг. — Это несложно. Твой драгоценный ключик вновь поможет тебе, его магическая сила чрезвычайно велика. Пока его носишь, ты будешь понимать речь чародольцев, а они будут понимать твою. И чем дольше ты его будешь носить, тем велика вероятность того, что местную речь сможешь понимать всегда, причем любые диалекты. С каждым днем твой активный словарный запас будет расти... Кстати, а как у тебя сейчас дела с магией, дорогая ведьма?

Каве невольно втянула голову в плечи.

— Так себе, — честно призналась она. — Еле смогла пламя сотворить.

— Ого! Неплохо, — неожиданно похвалил Мольфар. Девушка даже заподозрила мага в сарказме. — А знаешь что? Попробуй пригнать какой-либо предмет. Давай-давай, сосредоточься, — видя ее нерешительность, поторопил он.

Ведьма закрыла глаза. Представила крохотную чашку из чистого золота, светло-коричневый пенный ободок и запах кофе — острый, дурманящий, пряный...

Ничего не получилось. Каве ощутила легкое беспокойство. Неужели в этом мире она действительно утратила свои способности? Ну как же так?!

— Все просто: силовое поле Ключа гасит магические колебания, — рассеял ее опасения карпатский маг. — Считай, Ключ проверяет, может ли он тебе доверять, и пока что глушит твою магию. Поэтому ты не смогла поколдовать толком. Хорошо, что мои ребята, — он ласково глянул на своих драконоволоков, — следили за тобой. А ты — не умерла с голоду, пока я был занят.

— Могли бы и раньше появиться, — пробурчала девушка, немного задетая равнодушием мага.

— Извини, за то время, пока я сидел сиднем в горе, скопилось много значительных и неотложных дел, требующих моего немедленного участия. Поэтому кое-что я тебе сейчас расскажу, но вот дальше как-нибудь сама, я вновь буду занят.

Каве сердито подумала, что маг призабыл уже, кому обязан своим освобождением из горы, но промолчала. Вместо этого она сняла с шеи Ключ и аккуратно положила на корягу, возле пустой железной миски.

— Итак, заклинание выманивания...

Золотая чашечка появилась в руках мгновенно. Жаль, это была не та самая вордаковская чашечка, с которой начались ее волшебные приключения. Эта была из фарфора, покрытого дорогой эмалью, — наверное, прилетела из какого-нибудь ресторана... Эх! Значит, никто в это самое время не пьет кофе в Черном замке Вордаков...

— Послушайте! — неожиданно изумилась собственной догадке Каве. — Я пригнала чашку из чародольского мира? Или из моего? Разве возможно притягивать предметы из разных миров?!

— Конечно, возможно, — покачал маг седой головой. — И, к счастью, ты обладаешь столь чудесной способностью. — Он широко улыбнулся и вдруг подмигнул: — Я же тебе говорил, что вещи, причем не только магические, странным образом благоволят к тебе. Считай, любая материальная ценность, лишь пожелай, тут же окажется в твоём распоряжении. Да любой бы за такое душу продал.

Каве так и не поняла, пошутил он или нет. Решила, что проверит

идею с материальными ценностями после. Притянет, например, кроссовки. А то неудобно босиком ходить — и так ступни опухли, а на пятках даже кровоточат. Антисептик и пластырь, кстати, тоже бы не помешали.

— Честно говоря, — подала она голос, — раньше мне не очень удавалось заклинание выманывания... Моя наставница, госпожа Кара... вернее, прабабка Марьяна, говорила, что это из-за моего нежелания воровать...

— Это интересно! — Маг на некоторое время задумался. — Возможно, вещи подчиняются тебе, потому что ты не желаешь владеть ими.

— Это как? — удивилась Каве. В данном случае она очень хотела владеть и кроссовками, и расческой, и даже куском самого завалящего мыла на свете. Это не считая других «вещиц» вроде Державы от Лютогора.

— Есть большая разница между служением и рабством, — задумчиво изрек Мольфар. — Возможно, в этом разгадка твоей силы... Ну что, ты идешь к землякам? — вдруг сменил он тему.

— Конечно, я пойду к вашим землякам, — сокрушенно вздохнула ведьма. — Разыщу девушку Тай и приму участие в этом странном турнир...

— А будет совсем хорошо, если ты настроишься выиграть Чаклун, — нагло перебивая, сообщил маг.

Девушка только рот раскрыла. Мысль, что маг или сбрендил, или издевается над нею, крепчала.

Но тот продолжил объяснения:

— Победительница имеет право озвучить одно желание, и Чародольский Князь обязан выполнить его, иначе сгорит живьем. Понятно, перед самым началом он подписывает соответствующий пергамент, скрепленный печатью с ящерицей. А то мало ли: обычай есть, а правитель — раз, и на понятную пойти может... Например, если победительница некрасива.

Каве одарила мага еще более изумленным взглядом. Но тот лишь хмыкнул:

— Обычно ведьмы, победившие на этих состязаниях, желают выйти замуж за правителя или кого-нибудь из его приближенных, если Князь Чародола женат. Поэтому Чаклун еще любят называть «союзным». Но если у тебя другие планы, — маг усмехнулся, — то вместо брачного контракта попроси у Чародольского Князя подарить тебе сундук. Насовсем.

— Сундук? — вновь округлив глаза от удивления, произнесла девушка. — Но у меня же есть собственный!

— Сундук, — жестко повторил карпатский маг. — Волшебный сундук его матери.

Некоторое время ведьма молчала, раздумывая над услышанным.

— Так значит, — она в упор посмотрела на мага, — Золотой Ключ — именно от этого сундука?

— Этот Ключ — от всех дверей, и не только от дверей, — произнес Мольфар. — Но, собственно, мы подходим к главному в нашем разговоре — к тайне Рика Стригоя... — Маг хмуро взглянул на девушку, словно бы оценивая, стоит ли доверять ей подобный секрет. А если стоит — то насколько. Вскоре он продолжил: — Видишь ли, когда-то наш знакомец полудух родился в этом самом Златограде — городе, некогда исчезнувшем со всех карт обоих миров... Его мать — Мендейра Премудрая, была сильнейшей из чар. Она знала и умела составлять такие заклинания, проклятия и заговоры, которые давно забыты на наших просторах. Мудрая, сильная и справедливая колдунья, госпожа Мендейра — она правила этим городом. Она могла стать повелительницей Чародола, но ей хватало и правления в Златограде, чтобы спокойно и без помех заниматься любимым делом, самым святым из всех искусств на земле — магией. Так и было, пока она не погибла.

— Погибла? — ахнула Каве. — Как?

— Златоград был небольшим, но очень богатым городом, — неторопливо, словно бы рассказывал сказку на ночь, поведал Мольфар. — За что и получил свое прозвание. Особо Мендейра поощряла развитие ювелирных, ткацких, книгопечатных и стеклодувных ремесел, ведь они тесно связаны с использованием магии — город славился изделиями из золота, серебра и меди, а также богатыми тканями, изящной посудой и драгоценным цветным стеклом. Не говоря об огромных библиотеках, где хранились книги, написанные только на руническом трехстрочье — основном языке волшебников. Но более всего Златоград был известен высоким уровнем магических искусств. В самом большом из когда-либо построенных зданий, во Дворце Искусств Магии, в знаменитой Стеклозале частенько устраивались дебаты и диспуты, семинары и консилиумы, проходили турниры и соревнования между лучшими из лучших во всем Чародоле. Кстати, Чародольский Князь построил точно такую же Стеклозалу у себя во дворце: стены в ней выложены полированными глыбами горного хрусталя, куполообразный потолок составлен из узорных витражей, а пол сделан из черного камня обсидиан. Стеклозалу украшают двенадцать прекрасных статуй из шикарного цветного стекла, изображающих знаки зодиака... Конечно, это подделка. Не то что было в ДИМе... Над убранством Залы трудились лучшие мастера во главе с самой чаровницей Мендейрой... Ах, какие там были знатные магические ловушки! Неискусному в колдовском мастерстве не дано было даже пройти в двери этой великолепной Залы... Двери, кстати, тоже были интересные — кованые, в узорчатых древних письменах с завитками из драгоценных

металлов. Эх, даже я в этом ДИМе был, мед-пиво пил. — Маг невесело усмехнулся. — Кстати!

Он щелкнул пальцами, и возле него материализовался небольшой прокопченный котелок. Еще два щелчка — котелок, ловко подвешенный на обычное сооружение из трех веток, наполнился водой.

— Попьем чайку, пожалуй. — Маг кинул в закипавшую воду щепоть чего-то душистого: обоняние Каве уловило запахи мяты, земляничных и черничных листьев... лимона... и даже чабреца.

— Так вот... — вновь начал рассказывать Мольфар. — Именно из-за успешного развития магии Златоград и погорел... Правивший в то время князь Великий Жах наконец-то соизволил приехать в Златоград с визитом. Тут же увидел, сколь хорошо живут местные, да и пригорюнился... Как говорится, чуть не сдох от зависти. Решил тогда хоть в Чаклуне блеснуть. А Жах этот Великий был знатным чаром, все-таки у первейших колдунов столицы обучался. Говорит: «Приведите лучшего из лучших в вашем хваленном городе, и я сражусь с ним и одолею». А Мендейра, умная женщина, сразу подметила, что не в настроении великий князь. Но не справилось с тщеславием материнское сердце — выставила против короля своего родного сына. А нынешний Чародольский Князь хоть и юн был в те годы, но магическое искусство знал — талантлив, гад, этого у него не отнимешь. Ну и положил правителя на лопатки по всем магическим наукам-премудростям. Даже по неприкасаемому разделу — по черной магии, если выразиться без прикрас. А темными силами, как понимаешь, не каждый повелевать может — губительно для разума человеческого, губительно для души. Да и силы жизненной забирает немерено... Одно неправильное использование темных сил, одна маленькая ошибочка — и последствия могут оказаться необратимыми.

Девушка так заслушалась, что даже не заметила, как в руках мага появились две походные железные кружки с дымящимся ароматным чаем. Она с благодарностью приняла одну из них.

— И что же дальше?

— А то, — мгновенно откликнулся Мольфар, лишь пригубив из своей кружки. — Великий Жах, мягко говоря, очень расстроился. А в расстройстве он сильно буйствовал обычно... Вот и присвоил себе городок. А госпожу Мендейру, мать нашего знакомца, обвинил в черном и злонамеренном колдовстве — мол, растит у себя под крылом темных магов... Тут же отправил на вечное заточение по всем правилам, поставил какого-то своего хлыща из придворных на градоправление, да и укатил в столицу — нынешнюю Фортуну.

— А что Рик Стригой? — невольно вырвалось у Каве. — Как он это пережил?

— Пережил, как подобает настоящему мужчине, — ответил маг, не скрывая злорадной усмешки. — Нового градоправителя, не по-

мню даже имени, сразу прикончил, и свиту его немногочисленную — в общем, всех, кто остался в городе поживиться... Сначала партизанил по лесам, главенствуя в небольшом, но крепком отряде. А после, используя природные организаторские способности, связи да золото из тайных семейных хранилищ, сколотил армию и сверг Великого Жаха, к огромной радости чародольцев. И теперь сам правит, как знаешь.

— Вот оно как, — растерянно пробормотала Каве. — А что же случилось с госпожой Мендейрой? Со Златоградом?

— Госпожа Мендейра, пока сидела в заточении, не ожидала, что сын так ретиво с врагами справится, поэтому решила действовать самостоятельно. Применила какое-то сильнейшее заклинание, хитрый и сложный ритуал, основанный на добровольной жертве... Как только Стригой в столице утвердился, Златоград вдруг начал исчезать — стало сказываться колдовство его матери. Сначала с окраин, по одному дому, по одной улице... Люди в панике похватили свое добро да и убежали. А город через некоторое время исчез полностью. Поговаривали, что Мендейра наложила страшное проклятие — некое древнее заклинание, о котором не знал даже ее сын. Видишь ли, никто ранее как-то не мог забросить целый город неизвестно куда...

— Вот почему Стригой так страстно желает узнать тайну Златограда — великое проклятие исчезновения... Златоградская тайна связана с сундуком его матери — единственной вещи, доставшейся ему в прямое наследство. Мол, там подсказка, что за ритуал такой совершила великая чара. И как же вернуть Златоград из забвения. Или же... — Тут лицо мага обратилось к девушке, и она вновь увидела холодные синие искры в его глазах. — Возможно, — медленно произнес он, — разгадав тайну исчезновения родного города, Чародольский Князь захочет таким же способом стереть с лица земли Карпатский край, практически единственное место в твоём мире, через которое можно попасть в Чародол. И тогда никто и ничто извне не будет угрожать его власти. Вот почему правитель Чародола вряд ли захочет когда-либо дружить и сотрудничать с Карпатским княжеством.

Каве молчала, потрясенная коварством Рика Стригоя. Неужели и вправду Чародолец задумал уничтожить Карпатские горы? Чтобы навеки перекрыть проход на древнюю волшебную землю под прозвищем Чародол...

— А почему он раньше войной не пошел? — спросила девушка. — Ведь мог же сто раз напасть.

— И что? Пожег бы одних — пришли бы другие рано или поздно... Куда надежнее заставить исчезнуть землю раз и навсегда. Скрыть пространство навеки...

Некоторое время они молчали: Мольфар вроде бы задумался, а Каве была слишком потрясена, чтобы произнести нечто связное.

— Погодите-погодите, — встрепенулась она. — Но ведь вы сделали этот Ключ? Как вы-то связаны с этой... хм... семейной историей?

— Да просто. — Маг с присвистом отхлебнул из чашки. — Чародольский Князь пришел ко мне и попросил сделать ключ к сундуку его матери. Уже после всех этих страшных событий, разумеется.

— Ну а вы?

— Сделал, как ты понимаешь.

— А почему ему сразу не отдали?

Маг, отхлебнув большой глоток чая, просто подвигал седыми бровями над ободом кружки:

— Потому что возникли непредвиденные обстоятельства. Видишь ли... когда я мастерил Ключ, точнехонько под замочную скважину этого удивительного сундука... то оказалось, что Ключ приобрел и дополнительные чудесные свойства. И открывание всех дверей на свете — лишь одно из них.

Каве всерьез заинтересовалась историей.

— И какие же еще? — прищурившись, осторожно спросила она. — Вы же знаете про них?

— Честно? Не про все. Но, — тут он и сам сощурил глаза, скрывая в них веселые огоньки, — ты мне сама об этом расскажешь как-нибудь.

— На самом деле я еще больше запуталась, — вздохнула ведьма. — Я лишь знаю, что должна поехать на турнир да еще выиграть его, а сейчас это представляется мне весьма и весьма сомнительным. А по дороге в эту вашу Фортуну Ключ должен мне проболтаться о своих способностях. И Чародольский Князь уже ждет меня, чтобы первым узнать о свойствах Ключа. Или же просто отнять его, если мне не повезет. И если я все-таки выиграю Чаклун или хотя бы попаду в его финал, взамен на разгадку тайны Златограда вы соглашаетесь помочь новому Карпатскому Князю свергнуть Лютогора. Голова кругом идет!

— Пока сосредоточься на турнире, — тут же посоветовал Мольфар. — А после и поговорим.

Он встал и с хрустом потянулся. Звери, до этого дремавшие возле его ног, тут же вскочили.

Каве тоже привстала.

— И напоследок, — обратился к ней маг, — я хочу тебе сделать небольшой подарок.

И он протянул ей плоскую коробочку, серую и продолговатую, размером не больше обычного мобильного телефона.

КАРПАТСКАЯ ВЕДЬМА

О трилогии Натальи Щербы «Быть ведьмой»

Я где-то вычитал, что в недрах Карпатских гор зародились суеверные предания и легенды всего мира, как будто в них находится центр водоворота фантазии; если это так на самом деле, то мое пребывание здесь обещает быть очень интересным.

Брэм Стокер. Дракула

Что обычный человек знает о Карпатах? Преимущественно то, что это песенный, волшебный край, где есть горы, полонины, где растут загадочные «смерички», ищут «червону руту» и где «вивчар жэнэ отару плаем». А еще здесь живут степенные усатые вуйки и газды, которые ходят в колоритном национальном убранстве с топориками в руках. Ну и, конечно, это центр горнолыжного туризма. То есть мы воспринимаем эту местность как определенный этнографически-фольклорный заповедник, где можно хорошо отдохнуть, развлечься и в какой-то мере осуществить путешествие в прошлое. Такое представление о Карпатах сформировали у нас средства массовой информации. Однако не все так просто с этим действительно замечательным краем.

С давних времен горы на Земле считаются местом сакральным, мистическим и таинственным, источником иррациональной, духовной энергии и даже — обиталищем иных, потусторонних сил. Карпаты — чудесный и благословенный край, расположившийся на полотне ландшафтного разнообразия юго-запада Украины, земля богатейшей истории, где разворачивались баталии Киевской Руси и старой Европы.

Всякий человек, ступивший в сказочные владения его горных и лесных пейзажей, преисполнится искреннего восторга — острой радости за миг осознания красоты земного мира, счастливой благодарности за то, что мы живем в нем. Карпаты очаровывают силой целительных прикосновений к самой нашей душе; только там, стоя на вершине крутой горы, путешествуя по неровному горному хребту из шатких камней-валунов, наблюдая за игрой хрустальных отблесков быстрой реки, считая звезды в ночи августовского звездопада, начинаешь понимать само понятие слова «чары».

В наше время среди Карпатских гор и прилегающих территорий разместились историко-культурные и этнографические области Украины: Гуцульщина, Буковина, Закарпатье, Покутье, Галиция, Подолье. Суровый горный быт, географическая обособленность от остального мира создали все условия для появления неповторимого и самобытного карпатского этноса. Проезжая мимо прикарпатских селений, можно увидеть богатые фруктовые сады, пышные цветники и ухоженные деревянные дома под добротной черепицей, и везде — утопающие в цветах часовенки-«каплички», кресты и фигурки Богоматери. Неудивительно, что сила и красота Карпат вдохновляла

и продолжает вдохновлять поэтов, писателей и художников со всего мира. Их воспели Николай Васильевич Гоголь в повести «Страшная месть», Жюль Верн в романе «Замок в Карпатах», Брэм Стокер в романе «Дракула», Михаил Коцюбинский в повести «Тени забытых предков».

Последняя стала по-настоящему знаковой книгой. Благодаря ей широкая публика познакомилась с обычаями, бытом, верованиями Карпатского края, в том числе с таким удивительным явлением, как мольфарская магия. Рисую непреодолимую силу любви, Коцюбинский раскрывает ее через таинственные образы сказочного мира, находя источник вдохновения в таинстве жизни, таинстве природы и человеческой души, добираясь до самых глубин поверий далеких предков. Его произведение, впоследствии окрещенное «правдивой сказкой гор», является трагической историей влюбленных Ивана и Марички, в которой через всю полноту гармонии и восприятия сказочной красоты дикая горная природа вдруг выступает слепой сокрушительной силой. Как писал сам М. Коцюбинский: «Гуцулы — наиоригинальнейший народ, с богатой фантазией, со своеобразной психикой. Глубокий язычник, гуцул всю свою жизнь проводит в борьбе со злыми духами, которые населяют леса, горы и воды. Даже христианство он использовал лишь для того, чтобы украсить языческий культ».

Без преувеличения можно сказать, что молодая писательница из Ивано-Франковска Наталья Щерба продолжает традиции классика украинской литературы в своей трилогии «Быть ведьмой», посвященной приключениям карпатской волшебницы Татьяны Окрайчик.

Литературный дебют Н. Щербы состоялся в 2005 году, когда был опубликован ее первый фантастический рассказ «На дне». Писательница работает в жанре фэнтези, книги ее в основном рассчитаны на детскую и подростковую аудитории. Кроме трилогии «Быть ведьмой» ее перу принадлежат роман «Двуликий мир», дилогия «Часодеи», а также более десятка повестей и рассказов, увидевших свет в периодической печати и литературных антологиях. Она лауреат премии «Еврокон-2010» в номинации «Лучший дебют», двух премий «Серебряный Кадuceй» международного фестиваля «Звездный Мост» (2009 г. — за роман «Быть ведьмой» и 2011 г. — за роман «Часодеи. Часовой ключ»). Интересуется боевыми искусствами, восточными единоборствами, занимается ушу-таоу. В тренировках использует меч дао, шест и боевой веер. Кроме того, Наталья неравнодушна к экстремальным видам спорта. Другое хобби — рисование, коллекционирование сов, путешествия, старинная вышивка, кухни народов мира. Эти увлечения так или иначе отражаются и в текстах писательницы.

Первый ее роман «Быть ведьмой», открывший одноименную трилогию, был замечен задолго до его издания (отрывки из него по сложившейся в последнее время традиции были выложены автором в Интернете для «обкатки»), а еще то тут, то там слышались обидные разговорцы по поводу того, насколько оригинален текст и каким образом столь юной особе удалось «пропахнуть» уже первую книгу в солидное столичное издательство и т.п. Интерес, с которым публика познакомилась с книгой, понятен. В целом ожидания не были обмануты. Роман написан на достаточно хорошем литературном уровне, хотя и не был лишен недостатков, обычно свойственных почти всякому дебюту. (Надо сказать, что для настоящего издания Н. Щер-

ба прилично отредактировала текст, практически переписав заново иные главы). Вторая и третья книги трилогии демонстрировали заметный рост профессионализма и мастерства автора.

Если говорить о поэтике трилогии (то есть сюжете, композиции, идейно-тематическом пространстве), то следует сразу отвести досужие вымыслы. Никаким клоном известного «ведьминского» цикла она не является. Здесь совершенно иной литературный контекст, основанный больше на классике, чем на современности. Исключение составляет разве что вездесущий «Гарри Поттер» (как же без него молодому фантасту, для которого, впрочем, это уже всамделишная «классика»). А так вполне солидные учителя: М. Булгаков с «Мастером и Маргаритой», Н. Гоголь с «Вием» и «Страшной мезьей» (влияние последней чувствуется в обрисовке местного карпатского колорита) и, разумеется, М. Коцюбинский с уже упоминавшейся выше повестью «Тени забытых предков». Справедливости ради заметим, что больше всего литературных реминисценций встречается в первом романе цикла, следующие две книги уже более «самостоятельны».

Сам по себе сюжет трилогии довольно традиционен для «женского» фэнтези. Городская девушка неожиданно получила странное наследство от прабабки-горянки и вынуждена была стать ведьмой. Естественно, ей пришлось поучиться в средней и высшей школах чародейства и ведовства, обзавестись многочисленными друзьями и помощниками, сразиться с могущественными и не очень соперниками, чтобы в финале «построить свою любовь». Однако ж что еще можно выдумать в узких рамках этого жанра? Наталья сделала ставку прежде всего на местный колорит и не прогадала. Перед нами чудный, оригинальный мир Прикарпатья с его особой атмосферой сельской и даже городской жизни. Причудливо звучащие для непривычного уха географические названия и фамилии: Цямбронне, Несамовите, Окрайчик, Вордак. Замечательные пейзажные и этнографические зарисовки. И, главное, весьма специфический менталитет, не похожий на менталитет, скажем, той же Восточной Украины. Такое впечатление, что действие разворачивается где-нибудь в Венгрии или Чехии.

Готовясь к работе над трилогией, автор собрала богатый справочный материал, не только полученный из книг, но и собранный «вживую». Для этого Натальей было предпринято несколько поездок по Прикарпатья, результатом которых и стали воссозданные в романах о карпатской ведьме картины природы, описания известных мест магической силы, портреты чародей-мольфаров. Так появилось в книге «Быть ведьмой» село Цямбронне — реальный населенный пункт, расположенный у подножия Черной горы, на которой находится древняя обсерватория (в народе — «Черный замок», в котором по преданию обитает Темный властелин). Описанное в трилогии озеро Несамовите также существует на самом деле и действительно является «колдовским» местом. Оно очень древнее, сотворенное тысячи лет назад, «рожденное ледниками». Про него говорят: «Вода в нем всегда холодная, даже летом лед на поверхности плавает. Нет там жаб, нет рыбы. Но жизнь есть...» И еще здесь каждый год гибнут туристы, ибо человеку «простому» купаться в нем нельзя — все счастье потеряет. По легенде ведьмы из его вод силу волшебную на папоротниковый день черпают.

Особо следует сказать о загадочных карпатских колдунах-мольфарах, о которых писательница узнала не понаслышке. «В далекие-далекие

времена, — пишет о них современный исследователь этого феномена, — у подножия Карпатских гор Мать-природа наделила людей знанием, способным повелевать силами природы. И назвали они себя Великие Мольфары. От их благосклонности зависела жизнь и смерть, любовь и ненависть. Без них река не течет, ветер не дует, дождь не идет. Они являются самым большим добром и злом одновременно. И царила гармония между силами природы. И ходили они с места на место, направляя природные силы для баланса злой и доброй магии в мире. И дарили они знания свои тем, у кого сердце доброе и помыслы чистые».

Название «мольфар» происходит от слова «мольфа», обозначающего заговоренный предмет. Соответственно, мольфар — тот, кто его заговаривает, произносит над ним «примовку». Мольфой может быть любая вещь, даже лоскут ткани, кованное вручную украшение, но есть и особые предметы, например, деревянный крест, «громовица», «рахва» и «градовой нож», сделанный из лезвия косы, с помощью которого мольфар разгоняет тучи. Ряд этих чудесных предметов воссоздала в своих произведениях Наталья Щерба, одарив ими персонажей и героиню.

Людей, подобных главной героине трилогии Татьяне Окрайчик, называют «тридцать три несчастья». Куда она ни ступит, там ее уже поджидает какая-нибудь пакость. Девушке приходится сталкиваться с такими коленами судьбы, что поневоле озадачиться. Толком нигде не работавшая горожанка попадает то в секретарши к колдуну, то в деревенскую школу ведьм, то в магический университет, то в пыточную камеру, то на магические турниры с драконами. Вот, например, Карпатский университет интеллектуального волшебства, или попросту Кукушка. Атмосфера, царящая в этом заведении, отнюдь не напоминает привычные нам «хогвартсы». Ее можно сравнить скорее с духом американских школоколледжей типа Беверли-Хиллз. Сколки девчонок, не поделивших всеобщее внимание, рейтинги парней. Как-то мелко для будущих ведьм и непонятно для людей среднего и старшего возраста. Но как актуально для самих школяров и тех, кто только-только покинул вузовские стены. Отсюда понятно, кому в первую очередь адресована трилогия.

Автор умеет как-то просто, буднично говорить о необыкновенном, чудесном. Пьет ли героиня кофе с молодым человеком или выясняет отношения с однокурсницами — обычные, казалось бы, житейские ситуации. Но телепортация чашек с кофе, зловещие клятвы на крови, бахвальство защитными амулетами и магическими предметами придают этим сценам волшебный колорит — «магический реализм», как зовется данный художественный прием, овладеть которым не так-то просто.

Вместе с Татьяной, проходящей непростой путь взросления и обретения мастерства, мы путешествуем по разным магическим местам, среди которых не только Карпаты, но и колдовские леса Англии, волшебная страна Чародол. Если первая книга трилогии — это типичный роман-фэнтези о становлении юной волшебницы (школа, интриги, первые пробы магической силы), то вторая книга, «Ведьмин крест», — уже психологический любовно-сентиментальный роман. Главное здесь вовсе не в том, чтобы в очередной раз выйти целой и невредимой из смертельной ловушки, куда героиню загнали друзья и недруги, не в сражениях с драконами, марами и грифонами, а в острой

потребности и необходимости девушки разобраться в себе и своих отношениях с миром.

Преображенная внешне (но, главное, внутренне) Татьяна — Каве с горечью убеждается, что среди магов практически нет честных и порядочных индивидуумов. Рушатся все ее представления о дружбе, любви, долге учителя и обязанностях ученика. Волшебники на поверку оказываются мелкими, эгоистичными, мстительными и властолюбивыми личностями. Ради власти или мести они готовы пойти на что угодно и переступить через любого. Юной ведьме, еще окончательно не загрузевшей и не утратившей человечности, неуютно в этой среде. Поэтому вполне оправдан ее шаг, когда она снова спасается бегством, решительно порывая с любовью и ненавистью (к вящему разочарованию охотников до счастливых концов).

В заключительной книге трилогии, «Свободная ведьма», любовная история приобретает, так сказать, «мужской» оттенок. Если раньше преимущественное внимание уделялось страданиям и томлению главной героини, то теперь акцент переносится на переживания сильного пола. В блондинистую ведьму влюблены двое мужчин: владетель Чародола Рик Стригой и Карпатский Князь Алексей Вордак. У каждого из них чувства проявляются по-разному. Что же победит в этом поединке за сердце прекрасной дамы: зрелые мудрость и опытность или юные пыл и страсть? Интрига и напряжение сохраняются до самого конца повествования. Некоторую «мужественность», жесткость тексту придают и боевые сцены, связанные с поединками магов. В первых двух книгах их было заметно меньше. Вероятно, здесь сказались усиленные занятия автора боевыми искусствами.

Пройдя все испытания, Татьяна приходит к простой истине. Ничто, никакая степень волшебного мастерства, ни одна высокая должность не могут сравниться со Свободой, когда человек сам располагает своим временем, чувствами, поступками, ни от кого не завися, никому не будучи обязанным. Карпатская ведьма выбирает для себя этот путь, но, хотя формально все для нее заканчивается счастливо, финал трилогии остается открытым. Будет ли девушка и дальше со своим возлюбленным или тяга к авантурным приключениям и новым знаниям позовет молодую волшебницу в очередные странствия? Жизнь продолжится, а значит, рано ставить точку в истории юной чародейки из Карпат.

Игорь ЧЕРНЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

БЫТЬ ВЕДЬМОЙ	9
ВЕДЬМИН КРЕСТ	251
СВОБОДНАЯ ВЕДЬМА	491
<i>Игорь Черный. Карпатская ведьма. О трилогии Натальи Щербы «Быть ведьмой»</i>	<i>758</i>